

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки . . . 12 р.
" съ доставкою . . . 13 р. 50 к.
" съ пересылкою . . . 15 р.
Въ Москвѣ (у книгопродавцевъ Соловьева и
А. Ланга), безъ доставки . . . 13 р.

1 ГОДЪ. ТОМЪ I № 21.
17 МАЯ 1869 г.

Журналъ **ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ** выходитъ ежене-
дѣльно въ форматѣ большаго двойнаго листа въ 16
страницъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА РЕДАКЦІИ

ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ
[ГЕРМАНА ГОППЕ] находится въ С.-ПЕТЕРБУРГѣ,
НА БОЛЬШОЙ САДОВОЙ УЛИЦѣ, въ домѣ
ИЛЬИНА, № 16.

СОДЕРЖАНІЕ: Наши замѣчательные дѣятели. V.—П. И. Лажечниковъ.—Внутренняя и внѣшняя политика.—Внутреннія извѣстія.—Домъ царевича Димитрія въ г. Угличѣ (окончаніе).—
Сцена изъ драмы г. Сарду «Patrie!».—Возмущеніе рабочихъ въ Серэнгѣ, въ Бельгіи.—Плавучій маякъ.—Корреспонденція изъ Оренбурга.—Наши частныя музеи и кабинеты. IV.—
Блюдо лиможской работы, Пьера Ремона.—«Сцена въ судѣ», рисунокъ Павла Мейергейма.—Международная выставка въ С.-Петербургѣ.—Западная жизнь.—Кресло на колесахъ вре-
мень Людовика XV.—Кашанъ.—Насеръ-Эддинъ-Шахъ, нынѣшній владѣтель Персіи.—Естественно-историческій отдѣлъ туркестанской выставки (окончаніе).—Почтовый ящикъ.—Шахматная
задача № 17.—Рѣшеніе шахматныхъ задачъ № 8, 9, и 10.—Мумія индійскаго племени Аймара, въ Перу.—Объявленія.

РИСУНКИ: П. И. Лажечниковъ.—Сцена изъ драмы г. Сарду «Patrie!».—Возмущеніе рабочихъ въ Серэнгѣ, въ Бельгіи.—Плавучій маякъ.—Блюдо лиможской работы, Пьера Ремона.—
«Сцена въ судѣ», рисунокъ Павла Мейергейма.—Международная выставка садоводства въ С.-Петербургѣ.—Кресло на колесахъ, время Людовика XV.—Кашанъ.—Насеръ-Эддинъ-Шахъ,
нынѣшній владѣтель Персіи.—Мумія индійскаго племени Аймара, въ Перу.

Наши замѣчательнѣйшіе дѣятели

V.

Иванъ Ивановичъ Лажечниковъ.

4-го мая, московскій артисти-
ческій кружокъ праздновалъ пя-
тидесятилѣтній юбилей литерату-
рной дѣятельности Ив. Ив. Ла-
жечникова. Кому не знакомо и
кому не любезно это имя? Кто
не знаетъ, кто не читалъ и не
перечитывалъ его историческихъ
романовъ? Развѣ только тѣ, кто
совершенно «беззаботенъ насчетъ
отечественной словесности».

Лажечниковъ занимаетъ весьма
почетное мѣсто въ исторіи нашей
словесности. Съ появленіемъ его
сочиненій, нашъ историческій ро-
манъ вступилъ въ новую, выс-
шую фазу своего существованія.
Пониманіе основъ русской стари-
ной жизни сдѣлало въ лицѣ Ла-
жечникова громаднѣйшій шагъ вне-
редъ. Относительно его предше-
ственниковъ еще имѣеть мѣсто
рѣзкое слово пушкинскаго круж-
ка: — «что за радость смотрѣть
на портреты предковъ, списан-
ные съ лакеевъ и кучеровъ ихъ
потомковъ», — относительно Ла-
жечникова такой приговоръ не
имѣеть уже мѣста. Прѣжнее до-
бродушное разглагольствованіе
смѣнилось серьезнымъ изученіемъ
и проникновеніемъ изучаемымъ
предметомъ; вотъ причина, почему
въ романахъ Лажечникова встрѣ-
чаются сцены, которыя всегда бу-
дутъ причисляться къ образцовымъ
вещамъ. Въ письмѣ къ юбиляру,
А. Ө. Писемскій весьма умно опредѣ-
лилъ его значеніе, сказавъ, что Ла-
жечниковъ, стоялъ къ Пушкину,
ближе всѣхъ своихъ сверстниковъ-романистовъ.

Биографіи юбиляра мы къ сожалѣнію не можемъ
покуда представить читателямъ. Раньше артистическа-
го кружка, (23 апрѣля) юбилей Лажечникова праздно-
вался «Обществомъ любителей русской словесности».

Иванъ Ивановичъ Лажечниковъ.

Рис. К. Броуль. Риз. на деревѣ Л. А. Спрыковъ.

Въ собраніи общества профессоръ Тихонравовъ прочелъ
довольно полную биографію юбиляра, къ сожалѣнію
еще не появившуюся въ печати. Мы не станемъ при-
водить подробностей юбилея, онѣ будутъ въ будущемъ
номерѣ, въ корреспонденціи изъ Москвы. Замѣтимъ

только, что Государь Императоръ
пожаловалъ юбиляра перстнемъ, а
Государь Наслѣдникъ почтилъ его
слѣдующимъ рескриптомъ:

«Иванъ Ивановичъ! Узнавъ о
совершившемся пятидесятилѣтн
вашей литературной дѣятельности,
вмѣняю Себѣ въ удовольствіе
привѣтствовать васъ въ день,
предназначенный къ празднованію
этого событія. Мнѣ пріятно за-
явить вамъ при этомъ случаѣ,
что «Послѣдній Новикъ», «Ледя-
ной Домъ» и «Басурманъ», вмѣ-
стѣ съ романами покойнаго За-
госкина, были, въ первые годы
молодости, любимымъ Моимъ чте-
ніемъ и возбуждали во Мнѣ ощу-
щенія, о которыхъ и теперь съ
удовольствіемъ вспоминаю. Я все-
гда былъ того мнѣнія, что писа-
тель, оживляющій исторію своего
народа поэтическимъ представле-
ніемъ ея событій и дѣятелей, въ
духѣ любви къ родному краю,
способствуетъ къ оживленію на-
роднаго самосознанія и оказываетъ
немаловажную услугу не только
литературѣ, но и цѣлому обще-
ству. Не сомнѣваюсь, что и ваши
произведенія по духу, которымъ
они проникнуты, всегда согласо-
вались со свойственными каждому
русскому человѣку чувствами пре-
данности Государю и Отечеству,
и ревности о благѣ, о правдѣ и
чести народной.

Препровождаемый при семъ
портретъ Мой да послужитъ вамъ
во свидѣтельство Моего уваженія
къ заслугамъ многолѣтней вашей
дѣятельности.

Доброжелательный вамъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Высоче-
ства рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ.»

Юбиларъ получилъ привѣтствія отъ гражданъ
Коломны (его родина) и Твери, отъ многихъ учеб-

ныхъ заведеній, редакцій журналівъ и литераторовъ. Юбилей состоялъ изъ чтенія отрывковъ сочиненій Лажечникова. Праздникъ, по общему отзыву, отличался задумчивостію.

Юбилей Лажечникова третій, празнуемый въ Россіи, литературный пятидесятилѣтній юбилей: первый былъ Крылова, второй кн. Вяземскаго.

ВНУТРЕННЯЯ И ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА.

12-го мая 1869 г.

Застой въ нашей внутренней политикѣ продолжается. Давно уже весенній сезонъ не былъ такъ бѣденъ событіями, подлежащими обзорѣ политическаго хроникера. Втеченіе послѣднихъ лѣтъ, мы привыкли къ совершенно другому порядку вещей, и весенніе мѣсяцы, вотъ уже три или четыре года, постоянно были мѣсяцами наиболѣе чреватыхъ на политическія событія. Нынѣшній годъ составляетъ исключеніе и исключеніе тѣмъ болѣе чувствительное, что мы, вообще говоря, отвыкли отъ политической неподвижности и въ обществѣ нашемъ довольно сильно распространилось убѣжденіе, что при новыхъ порядкахъ, созданныхъ уже осуществившимися реформами, возвращеніе такой неподвижности—дѣло немислимое.

Единственная, сколько-нибудь важная мѣра, обнародованная втеченіе нынѣшней недѣли—новый уставъ военныхъ училищъ. Уставъ этотъ составляетъ, какъ бы увѣщаніе довольно подробно разсмотрѣнныхъ нами постановленій о производствѣ въ офицеры нижнихъ чиновъ, какъ вольноопредѣляющихся, такъ и поступившихъ на службу по обязательной повинности. Онъ распространяется и на военныя училища. Въ эти высшія военно-учебныя заведенія внесено то *начало всесловности*, которое установлено новыми положеніями для училищъ юнкерскихъ. Съ изданіемъ разсматриваемаго нами устава, военная служба, во всѣхъ ея степеняхъ и видахъ, становится доступною для каждаго, кто своимъ образованіемъ удовлетворяетъ условіямъ, требующимся для достиженія высшихъ военныхъ чиновъ. Начало *словности*, столь строго охранявшееся въ прежнее время, условіями поступленія въ юнкера и въ кадетскіе корпуса, исчезаетъ нынѣ окончательно и черезъ какія-нибудь десять—пятнадцать лѣтъ можно навѣрное ожидать, что военная служба въ Россіи вступитъ совершенно въ тѣ же условія, въ которыхъ находится она во всей Европѣ, за исключеніемъ развѣ Пруссіи, въ войскахъ которой юнкерскій элементъ до сихъ поръ остается и вѣроятно надолго еще останется преобладающимъ въ офицерскомъ сословіи.

Несомнѣнная польза того ряда мѣръ, который заканчивается нынѣ обнародованіемъ новаго устава военныхъ училищъ—дотого очевидна, что ее врядъ ли нужно доказывать. Словными перегородками, дѣлавшими званіе офицера почти исключительно достояніемъ одной касты, имѣли повсюду вредное вліяніе на духъ и строй тѣхъ армій, въ которыхъ онѣ существовали. Дѣлая изъ офицерскихъ эполей почти исключительную принадлежность одного сословія, онѣ мѣшали слитію въ одно единодушное цѣлое всѣхъ элементовъ, изъ которыхъ состоятъ каждое войско. Солдаты такихъ армій невольно привыкали смотрѣть на своихъ начальниковъ, не какъ на людей, достигшихъ этого званія своими заслугами, а какъ на «господъ». Общенія и единодушія при этомъ невозможно было ожидать, а безъ общенія и единодушія, всякая армія теряетъ по меньшей мѣрѣ половину тѣхъ силъ, которыя должна она представлять.

Будущіе историки Россіи, которымъ придется заявлять о разительной перемѣнѣ, происшедшей въ духѣ русскаго войска за періодъ времени, отъ 1855 по 1869 годъ, конечно съ почтотомъ упомянуть имя того даровитаго и высоко-просвѣщеннаго администратора, чьему почину и чьей энергической дѣятельности обязана наша армія своимъ быстрымъ и радикальнымъ перерожденіемъ.

Въ области иностранной политики тоже насталъ періодъ относительнаго зстоя. Въ то время, когда мы пишемъ эти строки, во Франціи уже окончился періодъ избирательной борьбы и окончился такъ благополучно, какъ этого нельзя было и ожидать. Извѣстно, что избирательные законы второй имперіи отличаются весьма любопытною особенностію. Они допускаютъ, втеченіе извѣстнаго періода, послѣ закрытія палатъ, оживленную борьбу кандидатовъ и ихъ сторонниковъ, но борьба эта должна оканчиваться за пять дней до начала голосованія.

Эти послѣдніе пять дней проходятъ въ полномъ бездѣйствіи партій, покрайней мѣрѣ партій, недружелюбно расположенныхъ къ правительству. Само же оно конечно продолжаетъ подъ рукою вліять на избирателей и даже обыкновенно бережется въ свои силы къ этимъ послѣднимъ и рѣшительнымъ днямъ. Въ нынѣшнемъ году срокъ «избирательнаго періода» окончился 5-го мая. Въ настоящую минуту выборы слѣдовательно уже въ полномъ ходу, но результаты ихъ покажутся еще совершенно неизвѣстны *)

Что же касается до тѣхъ безпорядковъ, которые происходили въ послѣдніе дни избирательнаго періода въ Парижѣ и, —какъ будетъ сказано ниже и во многихъ провинціальныхъ городахъ—то, противъ ожиданія многихъ, безпорядки эти вѣдучи успокоились, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла. Такимъ жезломъ явились на этотъ разъ благоразуміе и смѣтливость вожаковъ оппозиціи. Они употребили все свое вліяніе, чтобы предостеречь народныя массы, и даже самые радикальные кандидаты, какъ на примѣръ Бансель, Гамбетта, **) работникъ Анри и проч., явились на этотъ случай проповѣдниками спокойствія и порядка. Дѣло въ томъ, что до нихъ дошли слухи, подтверждаемые многими признаками, что уличные безпорядки не только не непріятны правительству—но даже чуть ли не его агентами и возбуждаются. Такая уловка—не новость для французской администраціи; ее пускали въ ходъ въ старое время и Бурбоны въ эпоху реставраціи и июльское правительство въ дни сильнаго народнаго недовольства. Увѣряютъ, что нынѣ возвратиться къ старымъ преданіямъ французскаго правительства побудила серьезная боязнь, внушенная ему успѣхами оппозиціи. Если вѣрить слухамъ, то совѣтники императора Наполеона, да и онъ самъ, находили полезнымъ вызвать поводъ къ устрашенію избирателей, съ одной стороны, призракомъ социалистической революціи и знаменитаго «краснаго привидѣнія» (le spectre rouge), а съ другой стороны, энергическимъ подавленіемъ уличныхъ безпорядковъ и, въ случаѣ нужды, даже повтореніемъ въ нѣсколько уменьшенныхъ размѣрахъ декабрьской бойни 1851 года. Нѣкоторые идутъ далѣе и утверждаютъ, что правительство стремилось создать поводъ къ новому государственному перевороту.

Если дѣйствительно Наполеонъ и его совѣтники имѣли въ виду что либо подобное, то слѣдуетъ признать, что вожаки оппозиціоннаго лагеря сумѣли съ необыкновенною ловкостію отразить приготовлявшійся ударъ. Какъ только появились на стѣнахъ Парижа объявленія полицейскаго префекта, узаконившія, провозглашеніемъ «закона о сборищахъ», вооруженное подавленіе безпорядковъ, немедленно началась успокоительная пропаганда оппозиціонныхъ кандидатовъ и ихъ друзей. 4-го мая, на всѣхъ избирательныхъ собраніяхъ, проповѣдывалась необходимость воздерживаться отъ всякихъ уличныхъ манифестацій и сыпались намеки на то, что манифестаціи эти были вызваны агентами тайной полиціи. Это сразу произвело надлежащее дѣйствіе и на слѣдующій день, послѣдній день избирательнаго періода, Парижъ представлялъ странное и любопытное зрѣлище. Улицы его были совершенно безмолвны и относительно пустыны. Передъ дверями многочисленныхъ помѣщеній, въ которыхъ происходили избирательныя сходки, не было никого, кромѣ полицейскихъ агентовъ, недовольныхъ лица которыхъ представляли, по разсказамъ очевидцевъ, весьма любопытное зрѣлище. Эти достопочтенные блюстители порядка, приготовившіе свои кулаки и кистени (casse-tête) были крайне обижены тѣмъ, что имъ не представляется случая къ одной изъ тѣхъ потасовокъ, которыя все болѣе и болѣе входятъ въ нравы французской полиціи. День 5-го мая прошолъ совершенно спокойно, къ великому, какъ увѣряютъ, прискорбію правительства, которое готовилось разыграть, втеченіе его, тотъ театральнй эффектъ, на который оно рассчитывало для поколебанія авторитета оппозиціи.

Пятидневный антрактъ, послѣдовавшій затѣмъ, не ознаменовался рѣшительно ничѣмъ особеннымъ. О пропскахъ правительства, втеченіе этихъ пяти дней, покажутся еще ничего не извѣстно. Эта любопытная и во многихъ отношеніяхъ поучительная эпопея дойдетъ до свѣдѣнія публики нѣсколько поздиѣ, послѣ окончанія выборовъ, а вполнѣ

узнается только при повѣркѣ полномочій избранныхъ депутатовъ.

Что же касается до шансовъ успѣха оппозиціи, то ихъ ни мало повидимому не поколебали эпизоды избирательной борьбы. Въ Парижѣ уже теперь навѣрное извѣстно, что всѣ избирательные округа этого города опять пошлютъ въ законодательный корпусъ оппозиціонныхъ депутатовъ. Неизвѣстно только къ какой оппозиціонной фракціи будутъ принадлежать эти избранники парижскаго населенія, такъ какъ каждая изъ этихъ фракцій выставляетъ своихъ кандидатовъ и упорно отстаиваетъ ихъ. Изъ прежнихъ парижскихъ депутатовъ навѣрное будутъ выбраны только Эрнестъ Пикарь, Жюль Фавръ, *) да Эженъ Пельтанъ; для остальныхъ успѣхъ покажутся еще сомнительны, не исключая даже и Тьера. Шансы Геру—весьма не велики; что же касается до перебѣжчика Эмиля Оливье, то его поражение несомнѣнно. Изъ новыхъ кандидатовъ наиболѣе шансовъ имѣютъ Бансель, Гамбетта и Анри Рошфоръ. Впрочемъ избраніе Рошфора будетъ не болѣе какъ демонстрацію противъ правительства. Въ палату онъ не попадетъ потому, что есть законныя причины объявить его избраніе не дѣйствительнымъ, такъ какъ онъ находится подъ гнетомъ судебного приговора, произнесеннаго противъ него въ его отсутствіе (rag confimase). Весьма вѣроятно, что въ большей части парижскихъ округовъ сначала окажется раздѣленіе голосовъ между разными кандидатами и только при перебаллотировкѣ голоса эти сосредоточатся по обычаю на кандидатѣ, получившемъ относительное большинство. **)

Исходъ выборовъ въ провинціяхъ менѣе несомнѣненъ, въ томъ смыслѣ, что нынѣ нельзя, какъ въ прежніе выборы предсказать полной побѣды правительства въ сельскихъ округахъ и въ большинствѣ департаментскихъ городовъ. Недовольство правительствомъ охватило всю страну и ловко раздувалось во время избирательнаго періода цѣлой массой дешевыхъ книжекъ и брошюръ. Во многихъ провинціальныхъ городахъ происходили уличные безпорядки; въ Нимѣ, въ Марсели и въ Лионѣ толпы плѣли марсельезу; въ округахъ, прежде единогласно избиравшихъ правительственныхъ кандидатовъ замѣтно серьезное шатаніе. Но не будемъ предрѣшать весьма уже недалекаго будущаго. Ждать осталось уже не долго и въ слѣдующей хроникѣ мы получимъ возможность дать читателямъ отчетъ о главныхъ результатахъ совершающихся нынѣ выборовъ.

Въ Англіи общественное мнѣніе за послѣднее время было довольно сильно встревожено дипломатическимъ исходомъ сѣверо-американскаго правительства, возобновившаго, съ вступленіемъ въ званіе президента генерала Гранта, свои, совершенно было оставленныя при Джонсонѣ, притязанія на уплату Англіе убытковъ причиненныхъ американской торговлѣ южанскими корсарскими судами, снаряжавшимися въ британскихъ портахъ. Дѣло это, извѣстное подъ именемъ дѣла объ Алабамѣ, было поднято очень энергично вашингтонскимъ правительствомъ но въ настоящую минуту снова затихаетъ. Грантъ, кажется, хотѣлъ только, поднимая его, произвести демонстрацію, которая бы доставила ему популярность между американскими купцами и капиталистами, несомнѣнно-то дружелюбно расположенными къ новому президенту.

Ватиканскому правительству готовится повидимому очень серьезный ударъ. Знаменитый министръ Пія IX го, изобрѣтатель политики сопротивленія (non possumus), кардиналъ Антонелли—опасно боленъ. Доктора отчаяваются его спасти. Со смертію этого государственнаго чловѣка, Пія IX-й лишится надежнѣйшаго и опытнѣйшаго своего совѣтника, который чуть-ли не одинъ во всемъ Ватиканѣ умѣлъ вести благополучно утлую ладью намѣстника св. Петра по опаснымъ шкерамъ европейской дипломатіи.

Испанскіе кортесы рѣшили наконецъ вопросъ о формѣ правленія. Какъ мы и предсказывали съ самаго начала форма эта—наслѣдственная конституціонная монархія. Теперь остается только отыскать короля, что не совсѣмъ-то легко, потому что охотниковъ до испанскаго престола не много, а противъ единственнаго «возможнаго» кандидата, имѣющаго храбрость добиваться короны, Карла V-го, т. е. противъ герцога Монпансье существуетъ въ испанскомъ народѣ сильное предубѣжденіе. Вслѣдъ за рѣшеніемъ кортесовъ, Примъ и Олосаго отправились въ Парижъ—съ какою цѣлью, это еще покажется неизвѣстно.

*) Жюль Фавръ не избранъ.

Ред.

*) Сегодняшняя телеграмма утверждаетъ, что господство Наполеона нисколько не поколеблено: избрано 200 правительственныхъ кандидатовъ, 26 оппозиціи и 10 средней партіи. Ред.

**) Бансель и Гамбетта оба избраны. Ред.

**) Эти ожиданія нашего обозрѣвателя по депешамъ оправдываются. Ред.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Придворныя извѣстія.

— Во вторникъ, 6-го сего мая, въ Царскомъ селѣ, Государь Императоръ изволилъ приниматьъ губернаторовъ: Нижегородскаго — генералъ-лейтенанта Одинцова, Полтавскаго — д. с. е. Мартынова, Псковскаго — д. с. е. Каханова и Тульскаго губернскаго предводителя дворянства — отставнаго гвардіи штабъ-ротмистра Минина.

Церковныя извѣстія.

— Высочайше пожалованъ, при рескриптѣ, архіепископу тверскому Филовею — алмазный крестъ для пошени къ клобуку; при высочайшихъ грамотахъ сопричислены къ ордену св. Александра Невскаго — пр. Алексѣй, архіепископъ рязанскій; къ ордену св. Владиміра второй степени большаго креста — протоіерей, малой земледворцовой церкви, І. Рождественскій; къ ордену св. Анны первой степени: преосвященный Теодосій, епископъ Тамбовскій и Серафимъ, епископъ Смоленскій, а равно главный священникъ арміи и флота, протоіерей М. Богословскій.

Есто-латышскія губерніи.

— Въ «Моск. Вѣд.» читаемъ: въ «Рижской Газетѣ» напечатано, въ видѣ передовой статьи, пространное сообщеніе изъ Курляндіи о господствующемъ тамъ лихорадочномъ стремленіи переселяться. Въ упомянутой статьѣ разсказывается, что это лихорадочное стремленіе, *охватившее всю массу курляндскаго рабочаго населенія*, и прежде никогда незамѣчаемое въ Курляндіи, теперь, когда поля зазеленѣли, пробудивъ снова сильную привязанность латышей къ ихъ родинѣ, стало утихать. На сей разъ соблазнителью крестьянъ является *генералъ Врангль, приглашающій ихъ, и естественно не безъ успѣха, переселяться въ Мисскую губернію*. О прочихъ злоумышленникахъ въ статьѣ не сказано ни слова, очевидно потому что не было бы никакой пользы входить на нихъ съ доносомъ! Но несомнѣнно, что и прежде въ Курляндіи неоднократно господствовала нужда и даже болѣе теперешней, однако народъ никогда не помышлялъ о пореселеніи цѣлыми массами.

Югозападный край.

— Въ «С.-Петербургскія Вѣдомости» пишутъ, что главное вниманіе новаго генералъ-губернатора юго-западнаго края въ крестьянскомъ дѣлѣ обращено на разверстаніе угодій, но не обязательнымъ путемъ, а по добровольнымъ соглашеніямъ крестьянъ съ помѣщиками. Съ разверстаніемъ устанавливается болѣе опредѣленная юридическая граница между собственностью крестьянъ и помѣщичьей, и уничтожаются такъ называемые «сервитуты» или виды общаго пользованія землями обѣихъ сторонъ.

Новый судъ.

— Въ Черниговской губерніи судебныя мировыя округа открыты 1-го и 2-го мая.

— 3-го мая, въ общемъ собраніи с.-петербургской городской думы происходили выборы на новое трехлѣтіе участковыхъ и почетныхъ мировыхъ судей. Въ участковые судьи избраны всего 33 лица, въ томъ числѣ изъ прежнихъ судей 18; остальные 15 избраны вновь.

— Въ «Самарскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» пишутъ, что открытіе мировыхъ судебныхъ учреждений въ Самарской губерніи должно было послѣдовать 23-го апрѣля, но за неполученіемъ утвержденія мировыхъ судей, это торжество раздѣлилось на два дня: 23-го апрѣля открыта была соединенная палата гражданскаго и уголовного суда, а 25-го судебно-мировыя учреждения.

Желѣзныя дороги и телеграфы.

— Въ «Вѣд. Одесск. Градон.» извѣщаютъ, что движеніе между Одессой и Кіевомъ по желѣзной дорогѣ начнется 1-го августа; «Кіевлянинъ» же говоритъ, что означенный путь будетъ открытъ не ранѣе 1870 года, какъ постановлено контрактомъ.

— Въ «Орловскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» сообщаютъ, что Государь Императоръ, по положенію комитета желѣзныхъ дорогъ, Высочайше соизволилъ разрѣшить гвардіи штабъ-ротмистру князю Куракину и подполковнику фонъ-Цуръ-Милену производство изысканій для желѣзной дороги отъ города Ливенъ до станціи Туровки на линіи Орловско-Грязской желѣзной дороги.

— Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» пишутъ, что бывшій въ Петербургѣ 1-го мая гроза, а послѣ нея сильное сѣверное сіяніе, оказали свое дѣйствіе болѣе или менѣе на всѣ телеграфныя линіи, расходящіяся изъ Петербурга по разнымъ путямъ: начиная съ 3-хъ часовъ дня почти до 3-хъ часовъ ночи, дѣйствіе телеграфныхъ аппаратовъ безпрестанно прекращалось. При такомъ затруднительномъ движеніи корреспонденціи, осталось въ главнейшій станціи за это число переданныхъ болѣе 50 телеграммъ, которыя и отправлены уже на другой день.

— Мостъ на Николаевской дорогѣ, сгорѣвшій 15 апрѣля, выстроенъ снова и движеніе по новому мосту открыто 4 мая.

Вскрытіе рѣкъ и навигація.

— Судоходство по рѣкѣ Волгѣ, въ предѣлахъ Саратовской губерніи, открылось въ настоящемъ году у города Царицына и посѣда Дубовки — 18-го марта, у города Саратова — 7-го апрѣля, и у города Хвалынска — 20-го апрѣля.

— Въ Олонекской губерніи рѣки Тудокса и Видла отъ льда очистились и начался по нимъ сплавъ дровъ. На Ладожскомъ озерѣ льда также нигдѣ не видно; на прочихъ озерахъ, по извѣстіямъ отъ 27 апрѣля, хотя ещѣ лежъ, поддерживаемый холодной погодой, но слабый, и льда чрезъ нихъ прекратился.

— Вода въ Онежскомъ озерѣ очень мала, по крайней мѣрѣ на аршинѣ ниже обыкновеннаго лѣтняго горизон-

та. Вода же въ нашихъ рѣчкахъ послѣ дождей значительно прибывла.

— Замѣтна съ каждымъ днемъ убыль воды въ рѣкѣ Свири: если со вскрытіемъ озеръ не послѣдуетъ прибыва воды, то судоходству предстоитъ неизбежное затрудненіе.

— 25-го апрѣля, въ 11 часовъ вечера, тронулся ледъ на р. Сѣверной Двинѣ противъ г. Архангельска, при возвышеніи воды на 7 футовъ.

— Белозерскій каналъ очистился отъ льда 22-го апрѣля, но движеніе судовъ еще по 25-е число не начиналось.

Надежды на урожай.

— Въ «Воронежскій Справочный Листокъ» пишутъ изъ Бирюченскаго уѣзда, что озимыя пшеницы въ той мѣстности совсѣмъ пропали; озимая же рожь хотя и зеленѣетъ, но вяла. Яровые посѣвы окончены, но зерно лежитъ и до сихъ поръ въ землѣ и всходовъ почти не примѣтно. Вотъ уже три года тамъ нѣтъ ни яблокъ, ни грушъ, ни вишенъ; опасаются, что нынѣ будетъ тоже.

Некрологъ.

— 30-го апрѣля, въ Петербургѣ скончался членъ совѣта министровъ государственныхъ имуществъ, тайн. сов. И. П. Шульгинъ, заслуженный профессоръ исторіи.

Разныя извѣстія.

— 3-го мая петербургскій путиловскій желѣзно-прокатный механическій заводъ праздновалъ окончаніе обработки *второго милліона пудовъ рельсовъ*.

— «Вѣдомости Одесскаго Градоначальства» извѣщаютъ, что паліахъ для войскъ одесскаго округа получены ружья, заряжающіяся съ казенной части.

— «Донъ» сообщаетъ, что 24-го апрѣля въ Воронежѣ, на Конной площади, совершено было молебствіе по случаю закладки водопроводной башни.

— Мостъ на рѣкѣ Волгѣ, въ г. Твери, въ ночь на 28-е апрѣля, снесенъ водою, прибывшею болѣе чѣмъ на 4½ аршина.

— Въ Тифлисѣ, въ воскресенье, 13-го апрѣля, въ 12 часовъ, происходило торжественное открытіе выставки домашнихъ животныхъ и продуктовъ скотоводства, пчеловодства и шелководства. Въ среду, 16-го апрѣля, въ 2½ часа пополудни, въ зданіи выставки домашнихъ животныхъ, въ акклиматизаціонномъ саду, происходило торжество открытія кавказскаго отдѣла Императорскаго русскаго общества акклиматизаціи животныхъ и растений.

— Въ «Пет. Газ.» пишутъ, что съ возвращеніемъ изъ Петербурга генералъ-губернатора Туркестанской области въ Ташкентъ, тамъ предположено начать изданіе газеты *Средняя Азія*.

— По словамъ «Моск. Вѣд.», с.-петербургскій оберъ-полиціймейстеръ, вѣдѣвъ за переводомъ Государя Императора въ Царское Село, безотлагательно выѣзжаетъ изъ Петербурга, для ознакомленія съ устройствомъ полиціи въ Парижѣ. Пребываніе генералъ-адъютанта Тренова за границей продолжится до 1-го іюля.

— Изъ Астрахани пишутъ въ «Пет. Вѣд.», что по предположенію временно-исправляющаго должность мѣстнаго губернатора, Н. В. Никитина, тамъ состоялся приговоръ городскихъ сословій о пожертвованіи общественаго дома для помѣщенія ожидаемаго окружнаго суда, и сверхъ того, особаго капитала въ 34 тыс. р. на приспособленіе зданія къ этой цѣли.

— Кіевъ предлагаютъ освѣтить газомъ.

— «Вил. Вѣстн.» передаетъ, что 23-го апрѣля, въ Вильнѣ послѣдовало открытіе общества ревнителей православія и благотворителей въ сѣверо-западномъ краѣ.

Домъ царевича Дмитрія, въ городѣ Угличѣ.

(Окончаніе).

При этомъ пожеланіи намъ невольно приходитъ мысль: что за прекрасное помѣщеніе можно бы было устроить въ этомъ зданіи для *мѣстнаго музея*. Угличъ весь обратился теперь въ какую-то олицетворенную, постоянную заукойную обѣдню по царевичу Дмитрію: гербъ этого города — въ золотомъ полѣ ликъ этого мученика; о городѣ никто ничего другаго не знаетъ, какъ только то, что въ немъ погибъ царевичъ Дмитрій. Ну, словомъ, какъ бы все его назначеніе предъ Россіей — поддерживать собою память о трагической катастрофѣ 1591 года, имѣвшей столь поразительно ужасныя послѣдствія для всего государства. Въ виду такого *призванія*, какъ бы указанного этому городу самой исторіей нашего отечества, не должны ли угличане собрать рѣшительно все, что только относится до ознакомленія, какъ съ личностью Дмитрія, его матери, его родныхъ, такъ и съ тою эпохою, въ которой онъ жилъ, и за тѣмъ съ тою, въ которую разразилась гроза долготѣнія, ради его страдальческой тѣни? Согласно съ симъ, портреты, рисунки, книги, брошюры, оружіе, сосуды, одежды, мелкія вещи. монеты — ну словомъ все, рѣшительно все, что мало-мальски относится до названныхъ эпохъ и лицъ, должно бы войти въ составъ этого музея. И какъ бы легко это сдѣлать съ надлежащею разумѣею, постепенностью и толкомъ. Пусть бы только земское мѣстное собраніе обратило на этотъ предметъ вниманіе, асигновало кредитъ на реставрацію зданія (ктому-жъ оно такъ невелико!) и на устройство въ немъ музея; а земская управа выбрала

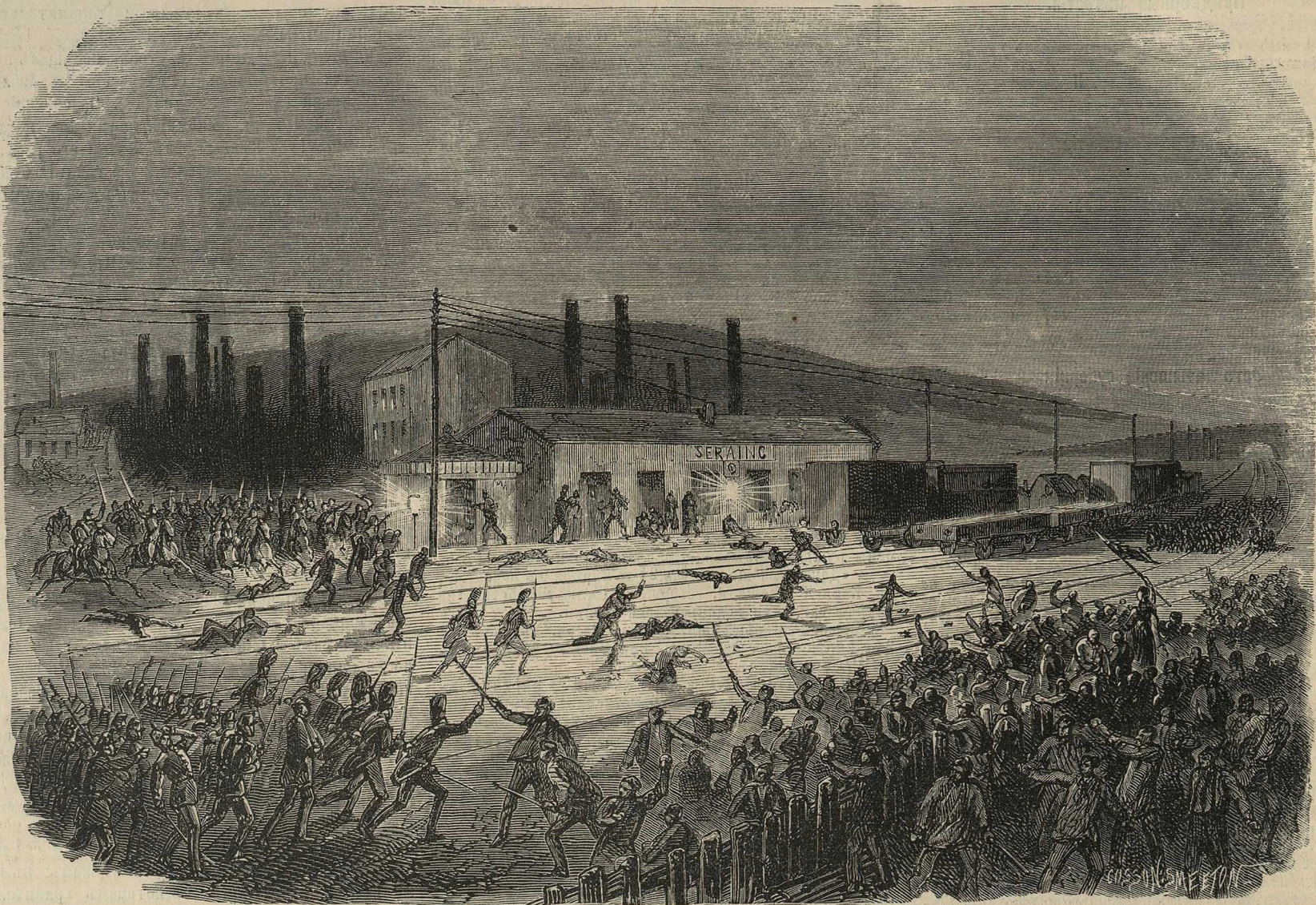
бы для исполненія этого дѣла умѣлаго и свѣдущаго человека. Посмотрите, какъ напр. умѣють чтить старину и мѣстныя достопамятности въ провинціальныхъ городахъ и городкахъ Германіи, Франціи... Пишущій эти строки посѣщалъ не мало мѣстныхъ провинціальныхъ музеевъ и библіотекъ за границей (какъ напр. полонъ Орлеанскій музей всѣми предметами, напоминающими Іоанну д'Аркъ и ея эпоху!) и каждый разъ сердце его болѣзненно сжималось при воспоминаніи, какъ гибнуть безслѣдно мѣстныя достопримѣчательности въ старинныхъ городахъ его родины.

Здѣсь, если что еще сохраняется, такъ это кой-какія древности въ нѣкоторыхъ церквахъ. Да вотъ напр., если читателю нашему доведется быть въ Угличѣ и онъ взойдетъ въ довольно красивую церковь *«Царевича Дмитрія на Крови»*, — то онъ найдетъ въ ней нѣсколько предметовъ, достоинныхъ любопытства. — Церковь эта — очень хорошо сохранившаяся, и, какъ каждый видитъ изъ рисунка, нами печатаемаго, весьма красивая, — выстроена въ началѣ XVII-го столѣтія, вскорѣ послѣ разгрома Углича полянами, и именно на томъ мѣстѣ, гдѣ убитъ Царевичъ Дмитрій. Мѣсто это саженьхъ въ пятнадцати отъ его дома, на высокомъ берегу Волги, въ самомъ углу тогдашней крѣпости. Видъ отсюда на Волгу и заволажье — восхитительный!...

Въ самой церкви обращаютъ на себя вниманіе: серебрянная рака — для мощей царевича; лежащая въ этой ракѣ плащаница царевича, какъ извѣстно, вышитая и украшенная руками его матери, инокини Марфы; тутъ же можно видѣть серебрянную икону — вкладъ царя Михаила Ѳеодоровича. Эта икона не только дорога тѣмъ, что она есть вкладъ человека, умиротворившаго Россію послѣ тяжкихъ бурь, извѣданныхъ ею во имя царевича Дмитрія, но она замѣчательна еще и тѣмъ, что въ ней крестообразно вдѣланы *орихи*, найденные нетлѣнными въ рукѣ страдальца, при обрѣтеніи его мощей при Царѣ Василиѣ Ивановичѣ Шуйскомъ; въ икону же вдѣланъ ковчегъ, въ которомъ хранится горсточка окровавленной земли съ того мѣста, на которомъ убитъ царевичъ Дмитрій. Самая мысль о построеніи церкви на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ совершилось злодѣйство, съ тѣмъ, чтобы тамъ, гдѣ пролита неповинная кровь ежедневно многіе вѣка приносилась бы безкровная жертва, принадлежитъ царю Михаилу Ѳеодоровичу: грамоту его о семъ предметѣ также можно видѣть въ этомъ же храмѣ, вмѣстѣ съ крестомъ царя Алексѣя на образѣ царевича Дмитрія. Царь Алексѣй Михайловичъ, какъ гласитъ преданіе, при посѣщеніи этой церкви самъ снялъ съ себя этотъ крестъ и повѣсилъ его на образѣ св. Дмитрія царевича. Наконецъ къ достопамяностямъ этого же храма нельзя не отнести подлинную рукопись св. Дмитрія Ростовскаго: описаніе всей жизни царевича Дмитрія до перенесенія мощей его въ Москву.

Другой храмъ въ Угличѣ, а именно соборная церковь *Преображенія Господня*, между прочими предметами хранить также одну святыню, напоминающую послѣдняго обитателя того самаго дома, рисунокъ котораго помѣщенъ на страницахъ настоящаго номера нашего журнала. — Мы говоримъ о покровѣ царевича Дмитрія, вынутомъ изъ гроба его при открытіи его мощей; въ этомъ же соборѣ можно видѣть носилки, на которыхъ въ торжественной процесіи, изъ политическихъ видовъ устроенной хитрымъ старикомъ царемъ Василиемъ Шуйскимъ, перенесены были въ Москву мощи этого злополучнаго отрока. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ другихъ церквахъ Углича находятъ иконы съ образомъ св. Дмитрія, причемъ время рисованія нѣкоторыхъ изъ нихъ восходитъ до начала XVII столѣтія. Повторяемъ еще разъ, что Угличъ, въ настоящемъ своемъ положеніи, интересенъ въ глазахъ нашихъ соотечественниковъ ни промышленностью, довольно скудною, ни торговлею — сравнительно ничтожною *), ни населенностью, нѣтъ, единственно памятью совершившейся въ немъ кровавой катастрофы 15 мая 1591 года, — и тѣмъ то необходимымъ представителямъ угличскаго земства собирать все, что только напоминало бы царевича Дмитрія и его полную живѣйшаго интереса эпоху, въ одинъ музей; самое приличное мѣсто которому — въ «домѣ царевича Дмитрія».

*) Ежегодно отправляется съ пристаней Углича до полутора судовъ съ грузомъ, рублей на 400 т., да разгружается здѣсь же судовъ нѣсколько сотенъ съ грузомъ, почти на эту же сумму.

Возмущеніе рабочихъ въ Серангъ, въ Бельгii.

Сцена 3 акта изъ драмы г. Сарду „Patrie!“

Сцена из драмы г. Сарду «Patrie!»

Въ парижской корреспонденці № 15-го «Всемирной Иллюстраціи», читатели могутъ найти подробный отчетъ о драмѣ, заглавіе которой выписано нами во главѣ настоящей замітки. Корреспондентъ нашъ съ особенною похвалою отзывался о постановкѣ; какъ наглядное доказательство такого отзыва помѣщаемъ въ нынѣшнемъ номерѣ изображение одной изъ сценъ пьесы г. Сарду.

Постановка пьесы — дѣло весьма важное, на которое у насъ къ сожалѣнію обращается еще слишкомъ поверхностное вниманіе. Въ постановкѣ надо различать двѣ стороны: сценическую обстановку и распредѣленіе ролей. Упущеніе одной изъ этихъ сторонъ непременно вреднымъ образомъ отзовется на исполненіи пьесы. Вѣрность декораций, костюмовъ, изящество въ группировкѣ лицъ и особенно на родныхъ массъ — дѣло первой важности, особенно для пьесъ историческихъ. Все это, вмѣстѣ взятое, составляетъ не только рамку картины пьесы (если позволено такъ выразиться), но самый фонъ этой картины. Изъ этого фона выступаютъ главные фигуры, главные дѣйствующие лица. Если фонъ сдѣланъ слабо, неумѣло, или если онъ поражаетъ своей рѣзкостью, — общее впечатлѣніе разлетится въ прахъ; главные фигуры слишкомъ выдадутся впередъ и будутъ рѣзать глаза. Какъ бы отлично ни были исполнены главные роли, безъ разумной постановки, онѣ не произведутъ должнаго впечатлѣнія. Выйдетъ нѣчто подобное тому, когда въ оркестрѣ исполненію превосходныхъ первыхъ скрипокъ мѣшаютъ плохія трубы. Въ результатѣ не получится ничего цѣльнаго.

Хорошему фону долженъ соответствовать хорошій первый планъ. Тутъ выступаетъ на видъ вторая сторона дѣла: распредѣленіе ролей, не только крупныхъ, но и второстепенныхъ. Вторые лица часто выступаютъ на первый планъ и они могутъ еще сильнѣе вредить цѣлостивпечатлѣнію, чѣмъ неудачный фонъ. Сравненіе съ оркестромъ дастъ намъ снова возможность уяснить суть дѣла. Вообразите, что въ оркестрѣ флейты, или иному инструменту дано маленькое соло; что если въ этомъ соло послышится нестерпимая фальшь? Также дерутъ уши и неумѣлые второстепенные исполнители. Ясно, что только то исполненіе можно называть удовлетворительнымъ, гдѣ соблюдены всѣ эти условія художественности, гдѣ фонъ картины вѣренъ, гдѣ ни одна изъ фигуръ, выдающихся на первый планъ, не рѣжетъ глазъ, не путаетъ и не мѣшаетъ общему впечатлѣнію.

Французы, до извѣстной степени, могутъ быть нашими учителями въ этомъ отношеніи: у нихъ преимущественное вниманіе обращается на общность, цѣльность (ансамбль). Когда имѣется въ виду такая задача, тогда дѣло спорится, если даже нѣтъ

между исполнителями крупныхъ талантовъ. Таланты не всегда встрѣчаются, а потому-то преимущественное вниманіе должно быть обращено на образованіе умныхъ и дѣльных актеровъ. Средній уровень актерскаго искусства долженъ быть доведенъ до возможнаго совершенства — вотъ главная

Возмущеніе рабочихъ въ Серэнгѣ, въ Бельгіи.

Серэнгъ, кузница Бельгіи, составляющій, нѣкоторымъ образомъ, пригородъ Люттиха, въ 1830 году былъ небольшимъ мѣстечкомъ съ населеніемъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Въ настоящее время, благодаря Джону Кокерилу, Серэнгъ съ 20,000 населеніемъ представляетъ собою одинъ изъ самыхъ промышленныхъ городовъ Бельгіи. По ту и по эту сторону рѣки Мааса возвышаются тѣсные ряды чугунно-плавильныхъ и жельзныхъ заводовъ; обѣ стороны города соединены высокими красивыми мостомъ. Высокія трубы фабрикъ день и ночь изрыгаютъ изъ себя черные столбы дыма, тысячи рабочихъ работаютъ тяжелыми молотами, надъ обработкою раскаленнаго жельза, расплавляютъ и льютъ хрупкій чугунъ, тогда какъ другія тысячи такихъ же рабочихъ добываютъ изъ нѣдръ земли каменный уголь, поглощаемый ненасытными огненными горами.

Общество Джона Кокерили, находившееся въ критическомъ положеніи съ 1848 года, когда умеръ въ Варшавѣ его основатель, преобразилось въ анонимную акціонерную компанію и обладаетъ важнѣйшими заводами и каменноугольными копями въ Серэнгѣ и близлежащихъ мѣстахъ по ту и по эту сторону Мааса, какъ напримѣръ, Лице, Онгрѣ, Жемешѣ и Флемаль, въ которыхъ считается до 40,000 работниковъ, въ томъ числѣ 14,000, работающихъ исключительно на заводахъ Кокерили.

На одномъ изъ этихъ заводовъ, гдѣ никогда не прекращается плавка металла, никогда не останавливается работа, въ четвергъ, 27 марта (8 апрѣля), вечеромъ въ шесть часовъ, когда должна была начаться самая трудная ночная работа, между рабочими произошло возмущеніе.

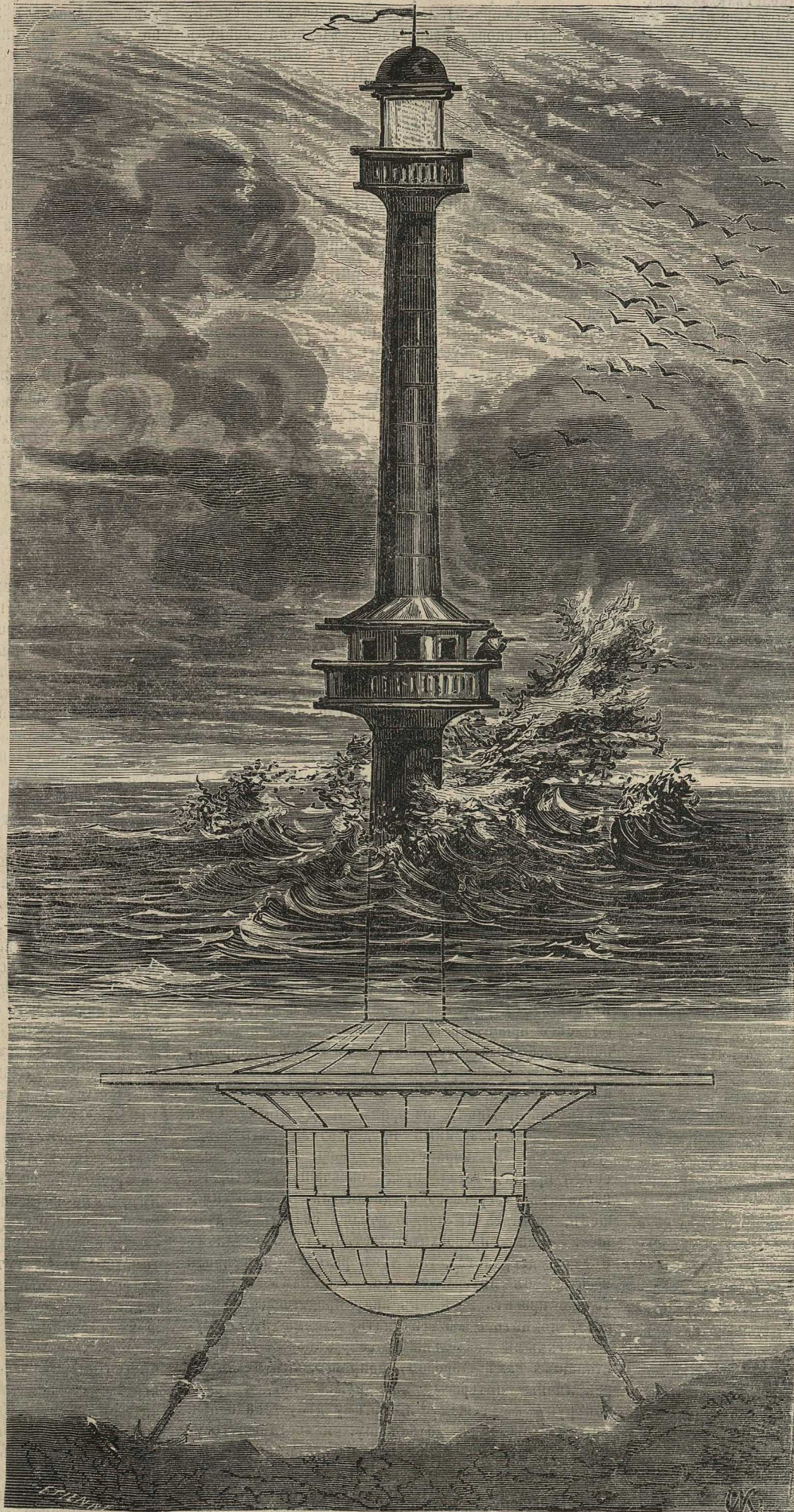
Рабочіе заявили, что не будутъ работать до тѣхъ поръ, пока не будетъ удаленъ главный надзиратель и ихъ непосредственный начальникъ, человѣкъ, давно уже возбудившій къ себѣ ненависть со стороны рабочихъ, своими настойчивыми и самовластными дѣйствіями; вмѣстѣ съ тѣмъ, рабочіе потребовали также отмены многихъ введенныхъ имъ мѣръ касательно рабочаго времени и другихъ тяжелыхъ правилъ.

Такъ какъ директоръ компаніи Садуанъ воспротивился этому и ни за что не соглашался удалить надзирателя за работами, то рабочіе съ угрозами ушли изъ мастерскихъ и отправились въ Лице, гдѣ они взволновали рабочихъ Кокерильскихъ каменноугольныхъ копей — Генри-Гильомъ, Клларъ и Каролитъ, хотя тѣ и не имѣли никакого повода къ возмущенію.

На другой день, 28 марта (9 апрѣля), уже съ самаго утра начались во всѣхъ другихъ каменноугольныхъ копяхъ и чугунныхъ заводахъ, такія же попытки, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рабочимъ угрожали насиліемъ, стараясь побудить ихъ къ работѣ; вся мѣстность была въ сильномъ возбужденіи, такъ что бургомистръ вызвалъ изъ Люттиха отрядъ изъ 15 человѣкъ конныхъ жандармовъ, а спустя нѣсколько часовъ просилъ прислать отрядъ солдатъ, но тѣ уже пришли къ мѣсту слишкомъ поздно; первая стычка жандармовъ съ работниками уже началась и какъ съ той, такъ и съ другой стороны лилась уже кровь. При первомъ извѣстіи объ опасности серьезнаго возмущенія между рабочими, кромѣ жандармовъ, въ Серэнгѣ пріѣхали окружной комиссаръ Жаммъ и государственный прокуроръ Дюбуа, гдѣ, помѣстившись въ одномъ изъ домовъ при заводахъ общества Кокериль, ожидали окончанія происшествій.

Вечеромъ дня все было еще довольно спокойно,

Плавучій маякъ.

задача. Когда она исполнена, постановка пьесы не можетъ быть плоха. Сценическая обстановка — дѣло, сравнительно, болѣе легкое: надо только обращать главное вниманіе не на цѣнность матеріала, а на то, чтобы средней доброты матеріалъ былъ употребленъ умѣстно.

но къ вечеру сцена змінилася, а именно въ то время, когда дневные рабочіе, смѣняемые ночными, выходили изъ мастерскихъ. Въ шесть часовъ вечера улица Бакъ, довольно узкая и длинная, имѣла видъ густосплоченной темной массы народа, колыхавшейся взадъ и впередъ; толпа, состоявшая не только изъ мужичи, но изъ женщинъ и дѣтей, не смотря на всѣ уговоры со стороны властей шумѣла, кричала, пѣла и смѣялась надъ жандармами, стоявшими во дворѣ фабрики. Наконецъ въ жандармовъ полетѣли камни.

Толпа увеличивалась ежеминутно и напирала на заводы. Въ девять часовъ разсвирѣвшая часть толпы бросилась на стѣны, окружающія заводъ и на ворота, какъ-бы желая ихъ проломить и взять заводъ приступомъ. Коннымъ жандармамъ удалось еще разъ отбить нападевшихъ, не прибѣгая къ оружію.

За этимъ послѣдовала страшная свалка. Около 15,000 работниковъ окружили жандармовъ, которые рубили направо и налево, освобождаясь отъ напавшей на нихъ толпы. Одинъ изъ жандармовъ раненъ камнемъ, былъ сорванъ работниками съ лошади и утащенъ ими. Очевидно было, что ничтожное число жандармовъ должно было быть снято: но въ самую критическую минуту явился батальонъ линейной пѣхоты изъ Литтиха и освободилъ жандармовъ и властей изъ опаснаго положенія.

На другой день вечеромъ, въ тотъ же часъ повторились тѣ же сцены, но были гораздо серьезнѣе. Войска, численность которыхъ увеличилась втеченіе дня сдѣлали нападеніе на толпу работниковъ. Впродолженіе десяти минутъ слышались только непрерывные выстрѣлы, звонъ штыковъ, стукъ прикладовъ, крикъ, стоны и яростныя вопли толпы. Когда солдаты прекратили битву съ ихъ мундировъ и оружія текла кровь.

Съ этой минуты все было окончено; впродолженіе двухъ или трехъ дней работники дѣлали еще слабыя попытки къ возмущенію, но кровопролитія болѣе не было. Мало по-малу работники стали поспѣвать, въ условленные часы, мастерскія и вскорѣ все пришло въ обычный порядокъ.

Говорятъ, что всѣ эти безпорядки произошли влѣдствіе происковъ членовъ международнаго общества работниковъ, нѣсколько агентовъ котораго и арестованы въ окрестностяхъ; другіе же утверждаютъ, что все это дѣло было возбуждено агентами французскаго правительства, желавшаго отвлечь вниманіе бельгійскаго правительства, отъ вопроса о желѣзныхъ дорогахъ возбужденіемъ внутреннихъ безпорядковъ среди рабочаго населенія. До сихъ поръ еще слѣдствіе по этому дѣлу не окончено, хотя нѣкоторые изъ арестованныхъ лишь выпущены уже на свободу.

Плавучій маякъ системы Фрайера.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по берегамъ Англіи, гдѣ постройка обыкновенныхъ маяковъ, влѣдствіе различныхъ неудобствъ, представляемыхъ почвою, была невозможна, англичане, съ давнихъ поръ, устраивали маяки на судахъ. Но такъ какъ такіе маяки часто страдали отъ вѣтровъ и волнъ, и кромѣ того, не давали возможности помѣстить маячный огонь на такую вышину, откуда-бы онъ былъ видѣнъ на очень дальнемъ разстояніи, то въ настоящее время, какъ напримѣръ около входа въ ливерпульскую гавань, начали устраивать маяки по системѣ Фрайера. Маяки такого устройства представляютъ не только вполне достаточное сопротивленіе вѣтру и волнамъ, но имѣютъ и то преимущество, что огонь можетъ быть помѣщенъ на такой высотѣ, съ которой свѣтъ его будетъ видѣнъ на очень далекомъ разстояніи. Ливерпульскій маякъ, изображеніе котораго мы помѣщаемъ въ этомъ номерѣ, имѣетъ видъ ареометра гигантскихъ размѣровъ, построеннаго изъ толстаго листового желѣза. Башня маяка представляетъ цилиндръ въ 182 фута вышиною, выдающийся на 125 футовъ надъ поверхностью моря и укрѣпленный на поломъ желѣзномъ колоколѣ. Содержаніе воздуха въ полости поддерживаетъ колоколъ въ плавающемъ положеніи; прикрѣпленные къ колоколу цѣпи съ якорями удерживаютъ маякъ на опредѣленномъ мѣстѣ и не позволяютъ ему лечь на бокъ. Внутри башни устроенъ ходъ съ винтообразною лѣстницею для прохода на верхушку маяка; въ подводной части находится помѣщеніе для сторожа и кладовая, воздухъ въ которыхъ возобновляется вентиляторомъ. Наверху, кромѣ огня находится колоколъ, издающій очень звучный звонъ во время сильнаго тумана, когда огонь не видѣнъ уже издалека. Кромѣ огня, на самой вершинѣ маяка, видимаго за двѣнадцать миль, на высотѣ 30 футовъ надъ поверхностью моря находится также довольно сильный огонь. И верхній и нижній огонь окружены галереями, имѣющими сообщеніе съ внутреннимъ ходомъ башни.

Изъ Оренбурга.

(Корреспонденція «Всемирной Иллюстраціи»).

Періодъ выборовъ, дворянскихъ, купеческихъ и разныхъ другихъ, по разнымъ общественнымъ дѣламъ, кончился въ Оренбургѣ, какъ и всегда, тихо и скромно. Дворянство Оренбургской губерніи преимущественно мелкопомѣстное, да и тѣхъ

на выборахъ собирается, отъ 21 до 25 человекъ. Дворянскіе выборы были, какъ и вездѣ, открыты губернаторомъ, хотя не такъ, какъ вездѣ: обошлись безъ всякой рѣчи, однимъ лишь объявленіемъ открытія. 15 дней судили и рядили представители нашего высшаго сословія, въ холодной гостинной здѣшняго обществннаго собранія, (единственный губернский городъ, гдѣ нѣтъ у дворянъ дома для выборовъ) и въ этой небольшой семьѣ, много было спора, разногласія, въ концѣ-концовъ приведшаго къ постановленію весьма важныхъ двухъ вопросовъ: 1) Ходатайствовать у правительства разрѣшенія, избрать члена отъ дворянства для присутствованія въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, гдѣ такового до сего времени не было, чрезъ что дѣла шли чрезвычайно медленно, а интересы дворянъ не рѣдко совершенно забывались, и чтобы назначеніе этого члена зависѣло не отъ губернатора и губернскаго предводителя, а отъ личнаго выбора дворянъ, на томъ основаніи, что за неимѣніемъ въ Оренбургской губерніи уѣздныхъ предводителей, губернскому предводителю не съ кѣмъ было бы совѣщаться о назначеніи отъ дворянъ члена присутствія, какъ этого буквально требуетъ законъ. 2) Ходатайствовать у правительства, о возстановленіи правъ дворянства, дарованныхъ имъ Высочайше утвержденнымъ положеніемъ 19 февраля о присвоеніи должностей мировыхъ посредниковъ дворянамъ-землевладельцамъ, такъ какъ до сего времени, должности эти занимаютъ, преимущественно, пріѣзжіе въ край и прикомандированные къ Оренбургскому казачьему войску, драгунскіе, уланскіе и гусарскіе офицеры; мѣстная же администрація, ссылаясь на то, что дворянъ въ губерніи, будто бы, мало, исходатайствовала дозволеніе на назначенія эти и лишила дворянъ ихъ правъ, а самое дѣло на практикѣ оказалось крайне не рациональнымъ *). Были еще разговоры объ учрежденіи поземельнаго банка и банка для вспомошествованія переселенцамъ, приходящимъ для заселенія края, но ни по первому, ни по второму вопросу, дворянство, къ сожалѣнію, не пришло ни къ какому заключенію; это особенно жалъ потому, что огромныя пространства прекрасной земли въ краѣ остаются незаселенными, непроизводительными, а если и заселяются переселенцами, то людьми до того бѣдными и обнищавшими, отъ самаго переселенія, (не полагая перейти, матушку Русь пройти, примѣрно, хоть изъ Олонцкой въ Оренбургскую губернію), что безъ матеріальной, существенной помощи они не въ силахъ начать ни правильнаго хозяйства, ни прочнаго заселенія, чрезъ что, годъ отъ году, только становятся большимъ бременемъ для края. При учрежденіи же банка для вспомошествованія имъ присутствія эти устранились-бы, да и самое, столь желаемое правительствомъ и всѣми, заселеніе края пошло бы гораздо успешнѣе. Въ концѣ выборовъ, избравъ губернской предводителемъ уѣзднаго здѣсь нѣтъ; выборъ палъ, на бывшаго же въ этой должности, по прежнимъ выборамъ, Н. Д. Шотта. Само собой, вновь избранный предводитель далъ объѣздъ дворянамъ, а дворяне, въ свою очередь, дали объѣздъ предводителю, предъ окончаніемъ котораго, кандидатъ губернскаго предводителя, Н. Е. Тимашевъ, обратился къ предводителю, сказавъ слѣдующее: «Ваше превосходительство, на послѣднемъ сѣздѣ дворянства, вы такъ рельефно выставили заботы объ интересахъ его, что намъ остается только просить васъ, въ виду предстоящаго земства, помнить о насъ и знать, что мы всегда будемъ самыми дѣятельными сотрудниками на предстоящемъ вамъ широкомъ поприщѣ, гдѣ откинувъ всѣ личные интересы, мы дружно пойдемъ рука объ руку къ общему и благому дѣлу. Завидный жребій выпалъ на долю вашу, милостивый государь; предстоящая реформа открываетъ предъ вами широкое и честное поприще дѣятельности, трудъ вашъ долженъ отразиться на всѣхъ сословіяхъ оренбургскаго края и за успѣхъ его заранѣе поручилось уже оренбургское дворянство, выбравъ васъ

*) Трудно согласиться съ этимъ опредѣленіемъ, и по нашему личному мнѣнію, едва-ли не права администрація, испросившая дозволеніе назначать мировыхъ посредниками не однихъ дворянъ-землевладельцевъ. Дворянство здѣсь, какъ сказано выше, весьма малочисленно и если оцѣнка дѣятельности мирового посредника можетъ резонировать по его личности, то и изъ этого числа дворянъ-землевладельцевъ, большинство, о томъ служившихъ и въ гусарахъ, и въ уланахъ, и въ пѣхотѣ, едва-ли представляютъ лучшій выборъ мировыхъ посредниковъ, чѣмъ нынѣшніе; землевладельцы же не дадутъ еще права быть гарантированнымъ, что дѣла мировыхъ посредниковъ, на практикѣ, будутъ рациональны.

представителемъ своимъ и поставивъ васъ въ главѣ ожидаемой реформы. Н. Д. Шоттъ, отвѣчалъ на это словами, въ которыхъ высказалъ «всегдашнюю и полную готовность служить интересамъ не только дворянства, но и всѣхъ сословій, лишь бы это вело къ благу и счастью оренбургскаго края, и что одно его смущаетъ, что онъ не увѣренъ, въ силахъ ли онъ будетъ достигнуть тѣхъ результатовъ и исполнить все то, что бы онъ такъ искренно хотѣлъ для пользы и счастья дворянства». Тосты, какъ водится, сопровождали рѣчи и бесѣду объѣда; одинъ изъ тостовъ предложенъ за отсутствующаго дворянина оренбургской губерніи А. Е. Тимашева (министр. внутр. дѣлъ), которому и послана телеграмма слѣдующаго содержанія: «Послѣ выборовъ, на дворянскомъ объѣздѣ, пьемъ за ваше здоровье, какъ оренбургскаго дворянина».

Совсѣмъ другаго рода были выборы на общественныя должности городского головы и проч. Гамъ, крикъ, явное проявленіе личныхъ побужденій и интригъ, все это бросилось бы въ глаза человѣку, проникнувшему въ залу думы, въ минуту этого городского, общественного хаоса, какъ называлъ выборы эти нѣкій остроумный зоицъ. На этихъ выборахъ присутствовало 64 человекъ купцовъ, 109 мѣщанъ и 12 человекъ другихъ званій, имѣющихъ права на выборы. На предложенный вопросъ, многочисленные голоса мѣщанъ изъявили желаніе балотировать въ должность головы купца Л. и не смотря на двукратное заявленіе городского головы и на разъясненіе губернскаго прокурора о томъ, что купецъ Л. какъ принадлежащій къ расколу, не можетъ быть по закону избираемъ. (замѣчательно, что изъ числа 185 избирателей было 158 православныхъ, 15 магометанъ и только 12 человекъ, принадлежащихъ къ расколу) голоса мѣщанъ продолжали настаивать на своемъ желаніи и балотированіе состоялось. Г-нъ Л. получилъ 148 избирательныхъ и 37 не избирательныхъ шаровъ; за тѣмъ, купечествомъ предложенъ былъ къ балотированію купецъ К. (православный); но получилъ только 68 избирательныхъ и 117 не избирательныхъ шаровъ; потомъ, по предложенію головы, приступлено было вновь къ избранію другаго лица, на что мѣщане предложили купца С. получившаго 106 избирательныхъ шаровъ противъ 79 неизбирательныхъ. Выборы эти, по несоблюденію закономъ установленныхъ правилъ, признаны мѣстною властью не дѣйствительными и пока наше городское управленіе остается съ старыми его управителями, не смотря на кончившійся 3-хъ-лѣтній срокъ ихъ службы. Это грустное явленіе ясно вытекаетъ отъ неправильнаго и не соответствующаго настоящимъ потребностямъ, устройства собраній городского общества и не равномѣрнаго представительства выборныхъ членовъ; такъ изъ 2229 недвижимыхъ имуществъ здѣсь принадлежитъ: дворянамъ 409 домовъ, духовнымъ 24, казачьему сословію 65, служащимъ и отставнымъ нижнимъ чинамъ 592, разночинцамъ 110, почетнымъ гражданамъ 31, купцамъ 216 и мѣщанамъ 782; дома слѣдовательно, болѣе 1/3 всей частной недвижимой собственности, находящейся на городской землѣ, принадлежитъ сословіямъ, не имѣющимъ по закону права части въ дѣлахъ, касающихся городского хозяйства и голоса въ городскихъ общественныхъ собраніяхъ; изъ числа этихъ домовладельцевъ, только 985 человекъ относятся къ сословію городскихъ обывателей, въ томъ значеніи, какъ это сословіе принимается при настоящей организаціи городского общества. Къ этому общему недостатку стараго городского устройства, присоединяются еще, съ другой стороны, особенныя, такъ сказать мѣстные, изъ числа сословій, указанныхъ въ 345 ст. III т. уст. о службѣ по выборамъ. Въ Оренбургѣ имѣютъ право голоса: почетныхъ гражданъ и купцовъ 183 человекъ, дворянъ, записанныхъ въ гильдію 11, иногородныхъ купцовъ 62, мѣщанъ же до 2,954 семействъ. Очевидно, что интересы мѣщанскаго сословія имѣютъ за себя всегда огромное большинство, по отсутствію же общей Думы *), въ сужденіяхъ по

*) Общей Думы въ томъ значеніи, какое придается ей въ 4433 ст. II т. губерн. учрежд., т. е. въ смыслѣ учрежденія, замѣняющаго собою цѣлое городское общество, въ Оренбургѣ никогда не было организовано и въ настоящее время не существуетъ. Нынѣшняя же городская дума, по своей организаціи, есть собственно упоминаемая въ той же статьѣ закона шестигласная дума и состоитъ, кромѣ головы, изъ 6 гласныхъ, избираемыхъ изъ сословій, указанныхъ въ 345 ст. III т. уст. о службѣ по выбор. Равно нѣтъ и выборныхъ отъ дѣльныхъ сословій городского общества, для сужденія по дѣламъ общественнымъ.

общественнымъ дѣламъ, могутъ участвовать всѣ наличные граждане и допускаются въ собраніе безъ различія всякаго лица, причемъ, ничего не имѣющій и ни чѣмъ лично незаинтересованный, ставится наравнѣ съ зажиточными обывателями, пользуясь съ ними одинаковымъ правомъ голоса; чрезъ такой порядокъ, собраніе городского общества представляетъ собою безпорядочную толпу, которую весьма легко нѣсколькими лицами руководить изъ своекорыстныхъ видовъ; равно, невозможно ожидать при такихъ условіяхъ и соблюденія порядка, необходимаго для самостоятельнаго, спокойнаго и разумнаго обсужденія общественныхъ интересовъ; лучшіе изъ гражданъ, зная, что голосъ ихъ будетъ заглушенъ въ толпѣ, уклоняются отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ, относятся къ нимъ съ равнодушіемъ и смотрятъ на общественную службу, какъ на тяжелую повинность. Такіе безпорядки, при выборѣ въ думѣ, не могли не обратить серьезнаго вниманія власти, что и послужило главному началу къ край поведомъ, какъ намъ извѣстно, ходатайствовать о немедленномъ преобразованіи общественного здѣсь управленія. на тѣхъ началахъ, какія приняты при преобразованіи городскихъ управленій обѣихъ столицъ и Одессы, выработанныхъ М. В. Д., въ видахъ общей городской реформы, только лишь съ примѣненіемъ ихъ къ мѣстнымъ условіямъ города. Отъ всей души желаемъ успѣха этому ходатайству, такъ существенно необходимому для благосостоянія города, потому, что дальнѣйшее оставленіе городского управленія въ нынѣшнемъ устройствѣ, грозитъ неминуемымъ разстройствомъ хозяйства.

Взвѣсивъ, упомянемъ, что у насъ еще состоялись, или лучше сказать, были ежегодные выборы старшинъ здѣшняго общественного собранія, которые и въ нынѣшнемъ году, не отличались ни чѣмъ отъ прошлыхъ. Полнѣйшее равнодушіе къ избранію старшинъ, скучное слушаніе отчета диктатора, одного изъ генераловъ-членовъ, и давно извѣстныхъ всѣмъ §§ устава собранія, которые, неизвѣстно почему, онъ беретъ на себя право объяснять, хотя тутъ же есть председательствующій собранію; наконецъ, малочисленность сорававшихся членовъ на выборы, (менѣ половины) все это, такъ же, какъ и всегда. Не обходится дѣло и безъ школьничества; записываютъ, на примѣръ, на выборныхъ листкахъ, фамилію лицъ, предлагаемыхъ къ избранію въ старшины, а при балотированіи, число бѣлыхъ шаровъ, менѣ того числа голосовъ, которое подано на запискахъ, такъ, что кто записалъ желаніе, тотъ при балотировкѣ, ради скандальчика, кладетъ отрицательный голосъ (черный шаръ). Вообще же, трудно опредѣлить, чѣмъ руководствуется публика при избраніи старшинъ собранія; кажется, что тутъ не играетъ роль ни общественное положеніе лица, избираемаго въ старшины; ни состояніе, ни свѣтскость, ни умъ... Въ числѣ выборныхъ, бывають и какой-нибудь казачій чиновникъ, и генералъ, и ничего неимѣющій офицеръ, и богатый купецъ, и человѣкъ, дичащійся дамскаго общества, и свѣтскій господинъ и т. д. и т. д. И здѣсь виновница всему та же исключительность города. Половина общества, — временно пребывающіе, — служащіе; не даромъ зовутъ Оренбургъ почтовой станціей: сегодня здѣсь, завтра перевели на службу въ другой городъ и прощай интересъ клуба съ ихъ выборами и старшинами.

19 апрѣля.

Ф. Ло-чѣ.

Павель Мейергеймъ.

(Къ рисунку „Сцена въ судѣ“).

Упреки, дѣлаемые нашей академіи художествъ, сдѣлались общимъ мѣстомъ, будничною фразою, чѣмъ-то врождѣ разговора объ итальянцахъ, или о погребѣ, во время мазурки, или кадрили. Вѣроятно, академія отвѣтитъ когда-нибудь на эти упреки. Вѣроятно, отвѣтъ этотъ будетъ толковъ и основателенъ, такъ какъ она уже очень долго соображаетъ отвѣтъ. Намъ прожужжали уши вѣковыми, дряхлыми, загербованными привилегіями прибалтійскихъ провинцій; газета «Москва» открыла у насъ существованіе «допотопнаго банка», первыми вкладчиками котораго, сѣдовательно, были современники мастодонтовъ и ихтиозавровъ; — всѣ эти рѣдкости, достойныя памяти и литературной выставки, стоятъ, однако, далеко не особняками: наша академія художествъ, съ ея ефинками, тоже археологическая рѣдкость, — ея выставки только то и дѣлають, что «учиняють» въ селеніяхъ праведныхъ и въ нѣдрахъ Авраама» то одно, то другое имя и бѣдное худо-

жество наше, безнаціональное, въ самомъ полномъ значеніи этого слова, горитъ на медленномъ огнѣ и не проявляетъ въ себѣ никакихъ способностей феникса. Молчаніемъ, достойнымъ самой лучшей участи, отвѣчаетъ академія, на всѣ нападки, на всѣ требованія преобразованій, и прикрывшись параграфами своего устава, остается внѣ своего времени и внѣ своего народа.

Иначе посмотрѣла на свою обязанность берлинская академія. Двадцать лѣтъ тому назадъ единодушныя нападки печати сыпались на нее со всѣхъ сторонъ; общественное мнѣніе возстаало противъ академическихъ пріемовъ, противъ постановленій, противъ состава профессоровъ и системы обученія. Обвиненія плодились безъ устали и они достигли своей цѣли. Вотъ приблизительно, что пишутъ въ «Illustrirte Zeitung» (№ 1320) о прошлогодней выставкѣ берлинской академіи: «выставка эта заслуживаетъ въ высокой степени вниманія общественнаго мнѣнія, какъ наилучшая, наиболѣе богатая замѣчательными вещами, и наиболѣе свободная отъ вещей дурныхъ и малоозначащихъ... Особенно радуется повсюду чувствуемое развитіе сознанія, вкуса и художественнаго образованія. Прѣжнее печальное противорѣчіе, существовавшее между великими замыслами, съ одной стороны, и между безмѣрными самолюбіями художниковъ, съ другой стороны; эта безусловная неспособность пониманія азбуки живописи, ея обязанности передавать простыя вещи совершенно правды, это противорѣчіе, отличавшее нѣмецкую живопись сороковыхъ годовъ, видимо, осязаемо, исчезло. Никогда не украшалась стѣны академіи такимъ количествомъ хорошо писанныхъ и мастерски рисованныхъ картинъ, никогда не заключались въ рамкахъ, украшавшихъ ихъ, столько жизненныхъ изображеній людей, столько скалъ, луговъ, водъ и деревьевъ, имѣвшихъ полное право на существованіе, на художественное бытіе... Когда-то дождется наша академія художествъ подобнаго же отзыва въ печати? Мы приглашаемъ читателя подождать вмѣстѣ съ нами двадцать лѣтъ и обратиться къ газетамъ и журналамъ будущаго 1889 г. Мы думаемъ, что что-нибудь да будетъ написано.

Всякую рѣшительно выставку или, лучше, процессъ всякой выставки можно сравнить съ промывкою руды: изъ пестрой массы выставленныхъ предметовъ, судъ общественнаго мнѣнія, какъ пущенная по нимъ вода, уноситъ соръ и грязь, оставляя цѣнный металл на мѣстѣ: чѣмъ чище и грузнѣе, тѣмъ ближе къ началу. Самымъ цѣннымъ самородкомъ, оставшимся послѣ берлинской выставки 1868 г. было имя живописца Павла Мейергейма. Мы просимъ читателя не смѣшивать этого художника съ тремя другими: съ отцомъ его Фридрихомъ-Эдуардомъ Мейергеймомъ, дядею Вильгельмомъ и братомъ Францомъ. Первый изъ нихъ родился въ 1808 г. и началъ въ 1834 г. своимъ «Слѣпымъ нищимъ». Этотъ Мейергеймъ, человѣкъ замѣчательнаго таланта, но старый и занимается профессорскую каведру въ Берлинѣ, съ 1855 г. Имя его пользуется большою извѣстностью, какъ жанриста. Мы намѣрены сказать нѣсколько словъ о молодомъ, недавно заявившемъ себя Павлѣ Мейергеймѣ, его сынѣ.

На выставкѣ 1868 г. берлинская публика относилась съ любовью, съ «какою-то особенною нѣжностью» къ работамъ молодого Павла Мейергейма. Онъ выставилъ 6 вещей. Неоспоримую пальму первенства должно отдать его картинѣ «Передъ циркомъ». Намъ очень жаль, что мы не можемъ представить читателю рисунка этой вещи, вслѣдствіе нѣкоторыхъ, совершенно торговыхъ сдѣлокъ и условій, съ которыми приходится бороться нашему изданію и которыя, какъ мы надѣемся, будутъ устранены съ будущаго года. Не имѣя возможности дать рисунка лучшей вещи Павла Мейергейма мы сочли, однако, своею обязанностью дать хоть что-нибудь, для того, чтобы ознакомить русскую публику съ этимъ новымъ, только что составляющимся именемъ.

Для всѣхъ, кто сколько-нибудь любитъ заниматься искусствомъ и слѣдитъ за его развитіемъ, особенно дорого и пріятно останавливаться на изученіи молодыхъ, начинающихъ силъ. Имѣть дѣло съ мастеромъ, уже извѣстнымъ, манера и способности котораго опредѣлились прочно и ясно, по вещамъ котораго узнаешь художника почти такъ же вѣрно, какъ по цвѣтку растеніе которому оно принадлежитъ, — довольно легко. Въ хронологическомъ порядкѣ, одни за другими, являются его работы, и только пополняютъ, вырисовываютъ уже давно составившійся образъ мастера. Рѣзкія измѣненія въ

направленіи, зарожденіе новаго художника въ старомъ художникѣ (какъ напр. извѣстное измѣненіе въ характерѣ Эри Шеффера, происшедшее на подорожѣ его творческой дѣятельности, перерожденіе Виланда въ самомъ началѣ его дороги), — явленія довольно рѣдкія и подходятъ, отчасти, къ другому роду изслѣдованій — къ изслѣдованію о молодомъ талантѣ. Здѣсь, въ этомъ случаѣ, дѣло художественнаго критика гораздо труднѣе. Изъ многихъ сотенъ новыхъ именъ, запражающихъ каталоги выставокъ и аукціоновъ, въ ряду произведеній безцѣльныхъ, обставленныхъ иногда такимъ кажущимся блескомъ, такою выгодною вышнностью, что толпа принимаетъ этотъ блескъ и эту вышнность за правду, за талантъ (стоитъ вспомнить, относительно начинающихъ стихотворцевъ, подкупающее дѣйствіе фактуры стиха), критикъ долженъ сумѣть отличить настоящее дарованіе, если таковое предвидится, или имѣется. Это тѣмъ труднѣе, что, помимо легкости этой грубой ошибки (принятія вышнности за сущность), критикъ можетъ впасть въ ошибку диаметрально противоположную этой, а именно: полнѣйшій недостатокъ вышнности, неловкость пріемовъ художника, неумѣніе его показать товаръ лицомъ, могутъ отодвинуть его на второй планъ и сдѣлать незамѣтнымъ. Эту послѣднюю ошибку, толпа дѣлаетъ всегда и вездѣ, но этой-то именно ошибки со стороны критика не должно быть. Критикъ, не умѣвшій предсказать таланта — не критикъ, а рутинеръ, живущій и думающій уже существующими формами и неспособный на воспріятіе новаго, самороднаго. Назвать такой начинающій талантъ, указать на него пальцемъ, это одно изъ величайшихъ наслажденій дарованныхъ людямъ, умѣющимъ цѣнить искусство. Намъ кажется совершенно непонятною та страстность защиты, та восторженность доводовъ, съ которою Бѣлинскій прокладывалъ дорогу Гоголю вслѣдъ за появленіемъ его первыхъ произведеній... Мало кому удастся не ошибаться никогда и именно здѣсь ошибки совершенно умѣстны. — но, волковъ бояться — въ лѣсъ не ходить, говорить пословица. Общій голосъ критики, коснувшейся работъ Павла Мейергейма, прямо объявилъ ихъ работами замѣчательными и, конечно, не безъ основанія.

Мы чувствуемъ, что въ читателѣ, какъ бы сама собою возникаетъ мысль о томъ: неужели все это длинное, лирическое вступленіе, дѣлается нами во имя нѣмецкаго художника, чуждаго нашей землѣ и нашему искусству? Спѣшимъ увѣрить читателя, что эта мысль не чужда и намъ самимъ. Но гдѣ же они, эти молодые русскіе таланты, о которыхъ можно говорить?.. Вспоминаемъ мы именно по этому поводу прошлогоднюю петербургскую выставку академіи... много именъ, очень много именъ и только одно изъ всѣхъ вѣззало въ память и мы ждемъ отъ будущаго, чтобы оно утвердило насъ въ нашемъ мнѣніи. Мы вспоминаемъ о картинѣ «Утопленникъ въ деревнѣ» работы Н. М. Дмитріева. Мы совершенно незнакомы съ личностью этого художника, мы не знаемъ, молодъ-ли онъ, а это условіе въ высшей степени важно для оцѣнки. Въ каталогахъ нашей академіи никогда не выставляютъ года рожденія художниковъ и этимъ лишаютъ весьма важнаго мѣрила оцѣнки. Если этотъ Дмитріевъ молодъ, если въ немъ есть столько характера и увѣренности въ себѣ, чтобы не сбиться съ дороги, мы поздравляемъ его отъ души съ хорошимъ и плодотворнымъ будущимъ. Намъ очень жаль, что журналъ нашъ не существовалъ еще въ прошломъ году, мы не преминули бы дать отчетъ объ его картинѣ. Мы сказали бы и нѣсколько словъ о самой выставкѣ и сравнили бы ее съ мажорною рекрутскою ѣздой: стойка на мѣстѣ (работы Шварца и Литовченко), ѣзда рысью (Чумаковъ) сирава галопъ («Сусанна» Икова, «Диогенъ» Семирадскаго, «Диогенъ» Рѣпинъ), сѣтва галопъ «Наканунѣ варооломѣвской ночи» Гуна, «Вакханка» Тютрюмова), вольты (ихъ дѣлаетъ Лесли въ своей «Утопленной») и въ «Неронѣ, смотрящемъ на трупу матери»), скачка съ препятствіями (громадное большинство остальныхъ)... Съ глубокимъ прискорбіемъ извѣстили бы мы и о господинѣ Перовѣ. А сколько надеждъ соединилось съ этимъ именемъ. Гдѣ они, эти надежды? Вотъ то то и бѣда, что объ русскихъ талантахъ говорить опасно, какъ разъ сложить руки и успокоится на лаврахъ. Можетъ быть было бы лучше не говорить и о Дмитріевѣ. О нѣмцѣ говорить можно: онъ выбралъ себѣ дорогу и не собьется съ нея. Поговоримъ, читатель, о нѣмцѣ.

Павель Мейергеймъ родился въ 1842 году.

Воспользовавшись первыми уроками живописи у отца, молодой художник работал в берлинской академии и, по окончании курса, занимаясь предпочтительно акварелью, отправился в путешествие, но не в Италию, а в Бельгию и Францию. Вот тоже характерная черта. Странствование немецких художников в Италию, считавшееся необходимым (и совершенно основательно) в конце прошлого столетия и в начале нынешнего, имело место только до тех пор, пока воскресавшее немецкое искусство должно было изучать формы, рисунок, внешность. Вся фаланга немцев, от Карстенса — до Корнелиуса включительно, ездила на юг и работала с антиков и с итальянской натуры. К 40-м годам немцы были уже на столько сильны в академической рисовке, что Италия перестала быть необходимою. Обладая техникою и знанием, немцы поняли очень хорошо, что нельзя же жить только южным солнцем, пиньями, кипарисами и натурщицами из Альбано. Немцы поняли, что художник должен быть прежде всего национален и молодой Мейергейм, в числе десятков других собратьев по искусству, предпочел изучение жизни, более близкой к его родной жизни. Италия не прельстила его. У нас, конечно, это дѣлается иначе. У нас художники все еще ѣздят в Италию и подучуют Моллеровскими, Брюловскими и Бронниковскими головками. Но, ради всех сил небесных, что же общего между Италией и Россіею? Ну, есть ли какая-нибудь возможность примѣнить в Россіи, к нашему пейзажу, к нашим физиогноміям, к нашему солнцу, к нашим лѣсам, к тем приемам, то умѣние, которое выработается художниками в Фраскати, в Сорренто? Потерянное время, потраченные силы... а академія все-таки посылает... и художники, подобные господину Гэ, десятками лѣтъ проживают в Италии. Итак: Мейергейм поѣхал не в Италию, а на запад. После долгих трудов и изучения, заявив о себѣ с самой выгодной стороны на прошлогодней парижской выставкѣ, онъ вернулся в Берлинъ.

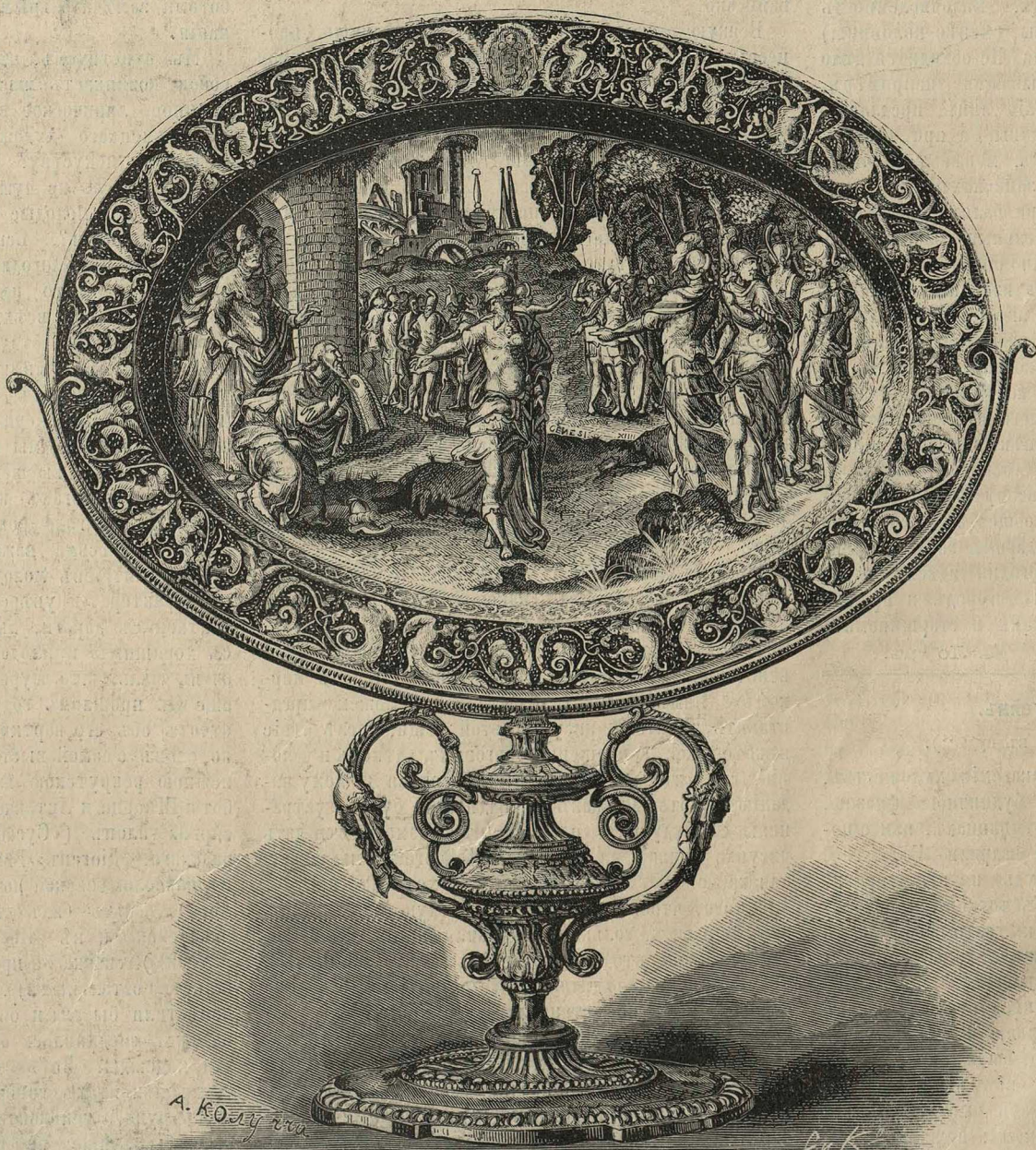

Сцена въ судѣ, съ картины П. Мейергейма.

Весною, на выставкѣ акварелей, работы его были замѣчены критикою и публикою; осенью того же года онъ явился на академическую выставку съ 6 картинами, писанными масляными красками. Одна изъ нихъ, это была названная уже нами вещь «Передъ циркомъ». Отсылая любопытныхъ къ № 1320 «Illustrirte Zeitung», на страницахъ кото-

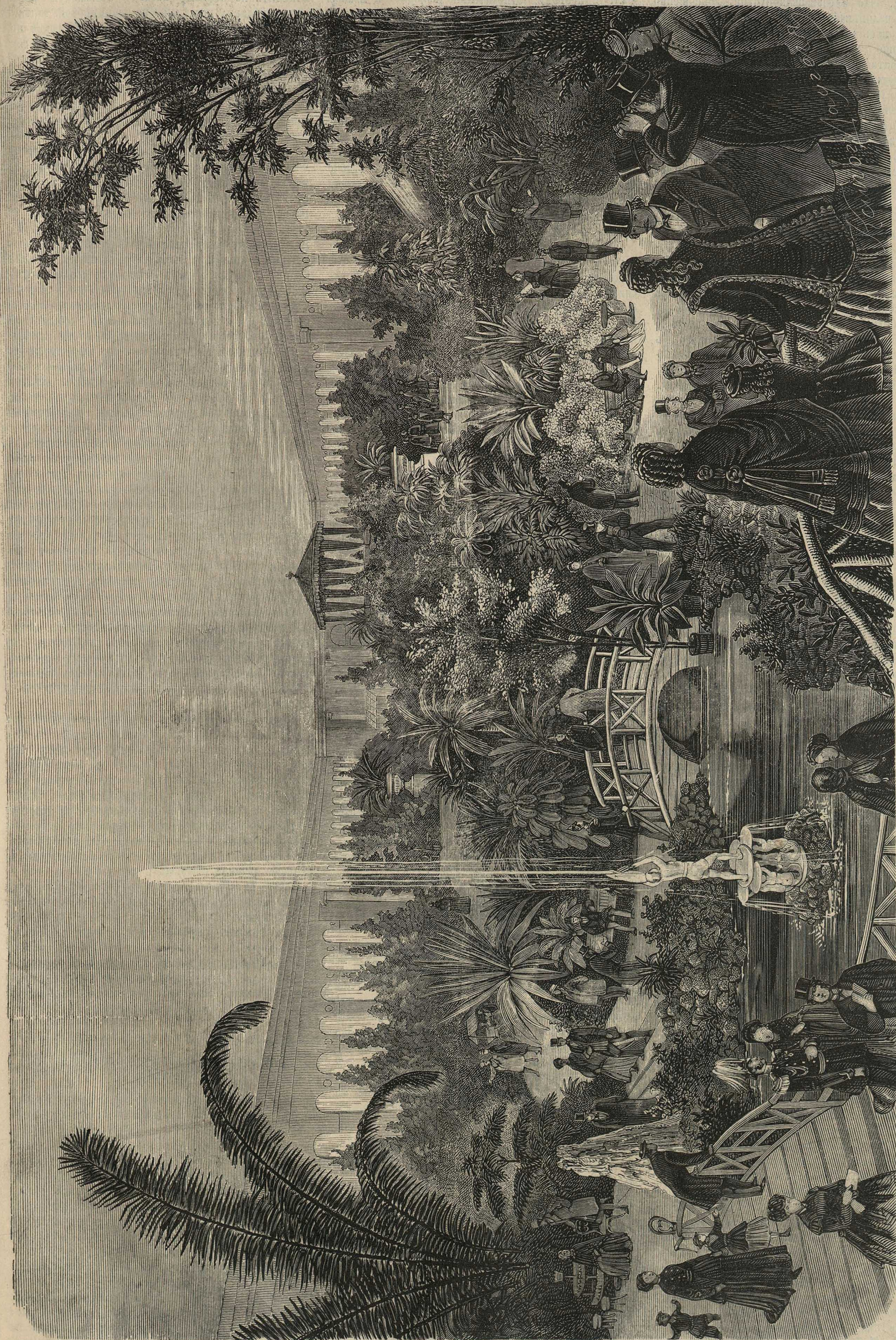
лѣ передъ судьями, скорбно свѣсивъ свой острый кончикъ. Хвостъ этотъ пришилъ къ дѣлу и послужить, конечно, вещественнымъ доказательствомъ. За судейскимъ столомъ, покрытымъ салфеткою съ гербами, сидятъ трое судей. Судъ, вѣроятно конченъ, потому что оба господина въ скуфейкахъ, внимательно роются въ книгахъ, стараясь подо-

брать соотвѣтствующіе пункты. Обвиняемый, тоже лишенный хвоста, почесываетъ спину и готовится выслушать приговоръ. Небезвиненъ во всей случившейся исторіи и тюремный надсмотрщикъ, небрежно развалившійся подлѣ стола и приложившій ключъ къ зубамъ своимъ. Надсмотрщикъ этотъ видимо выжидаетъ: не осмѣлится-ли обвиняемый наклепать что-нибудь и на него. Но обвиняемый вдвое мельче его поро-до, худо кормленъ, да ктому же въ кандалахъ. Передъ лицомъ суда, на глазахъ у судей видимо совершается мошенничество и въ этомъ, именно, заключается вся соль представляемой нами работы Мейергейма. Эта сущность вещи, эта вторая, внутренняя мысль ея, до которой надо доискаться, которая скрыта за другими, болѣе бьющими въ глаза мелочами, — есть совершенная необходимость для маломальски хорошей работы. Непріятно дѣйствуетъ на зрителя совершенная запутанность картины, запутанность, требующая обстоятельнаго и подробнаго объясненія, запутанность построенная на эмблемахъ и символикѣ; но еще несприятнѣе имѣть передъ глазами своими такую вещь, которую сразу понимаешь всю, и которая въ первую минуту знакомства съ нею,

Блюдо лиможской работы, Пьера Ремона. (Изъ собранія П. О. Пашкевича).

Рисована на деревѣ Колучини; рѣзана Л. А. Спряковъ.

Международная выставка садоводства въ С.-Петербургѣ, въ 1869 г.
(Съ рисунка К. Брожа гравированъ Даулемъ).

дает столько же, сколько и въ десятый и въ сотый разъ. Подобная вещь производить то же впечатлѣніе, что и безконечнопустой, совершенно ничтожный человѣкъ: съ двухъ словъ, сказанныхъ имъ, онъ весь на ладони. Мейергеймъ понялъ очень хорошо значеніе этого эстетическаго закона, и работа его представляетъ образецъ умѣнія пользоваться градаціею, постепенностью мысли. Намъ случилось видѣть художниковъ, посѣдившихъ въ работахъ и непонимавшихъ основательности этого важнаго, только что названнаго нами закона. Группировка фигуръ, наполненіе пространства и распределеніе ритма по всему рисунку, представляемому нами, могутъ считаться удачными.

Судя по образцу, представляемому нами, и по другимъ работамъ П. Мейергейма, («Актёры», «Звѣринецъ»), рисунки съ которыхъ помѣщались въ разныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ, его должно отнести къ живописцамъ бытовымъ (жанристамъ). Въ бытовой живописи, несмотря на все безконечное разнообразіе ея содержанія, можно отличить два главные, совершенно отдѣльные рода. Къ одному изъ нихъ (мы затрудняемся въ названіи) должно отнести работы исключительнаго, праздничнаго (въ смыслѣ рѣдкости), чувствительнаго, сильнаго характера. Къ числу такихъ вещей можно причислить изображенія свиданій, похоронъ, смертей, пожаровъ, наводненій и т. п. Живописцу, работающему этого рода вещи, произвести впечатлѣніе довольно легко: нарисованный гробъ дѣйствуетъ на смотрящаго уже тѣмъ самымъ, что это гробъ. Кромѣ того, выборъ подобныхъ сюжетовъ тоже не труденъ, они находятся, такъ сказать, подъ рукою, готовые, потому что гдѣ-же, въ самомъ дѣлѣ, не бываетъ похоронъ и кто-же не съумѣетъ замѣтить ихъ, если проходить мимо. Живописцевъ, отдавшихся этому роду бытовой живописи, очень много; успѣхъ, при порядочномъ исполненіи, несомнѣненъ: сбытъ—обеспеченъ. Къ числу такихъ картинъ отнесемъ мы «Партію арестантовъ на привалѣ» В. Якоби. Тутъ дѣйствуетъ не картина, а мертвецъ въ телѣгѣ, лежащій на первомъ планѣ. Не мѣшае и не иначе подѣйствуетъ на порядочнаго человѣка простое полицейское допесеніе о чемъ-нибудь подобномъ.—а цѣль живописи, конечно, не въ этомъ.

Несравненно труднѣе стать бытовымъ живописцемъ другаго рода (и этой дорогой идти, какъ кажется, П. Мейергеймъ). Не довольствуясь сюжетами готовыми, бьющими въ глаза, и, такъ сказать, скомпонованными самою жизнью, художникъ ищетъ другихъ, незамѣтныхъ толпъ, невыдающихся и, этимъ самымъ, полныхъ будничной, ежеминутной правды. Этихъ сюжетовъ безконечно больше, нежели первыхъ, они есть повсюду, на каждомъ шагѣ, они валяются, такъ сказать, подъ ногами, ими кишатъ все слои общества, все время года, все уголки земли. Они, эти сюжеты, незамѣтны, некрикливы, но въ нихъ, и именно въ нихъ, выражается въ полномъ шестивъ своемъ та или другая сторона жизни, выражается своею вѣчною, непреложною стороною, мѣняя только платье и обстановку. Выискать такой сюжетъ, оемѣлиться изъ ничего, изъ кажущагося ничего, сдѣлать многое, обмыть и очистить его отъ случайностей и лишняго, набросать на полотнѣ искусною и умѣлою рукою и этимъ самымъ уяснить толпѣ и заставить ее сказать: да какъ-же не замѣтили мы этого раньше!—это значитъ быть художникомъ крупной величины, это значитъ быть бытовымъ живописцемъ высокаго разряда. Не въ томъ дѣло: что изображено на картинѣ, а въ томъ—какъ изображено оно. Въ мірѣ, въ которомъ назначено жить человѣчеству, нѣтъ мелкаго, нѣтъ ничтожнаго и все, рѣшительно все, не исключая дикой мысли, работающей въ головѣ сумасшедшаго, сидящаго на 11-й верстѣ, имѣетъ свое основаніе, сдѣловательно имѣетъ и право художественнаго бытія. Но такъ какъ искусство должно быть вѣрнымъ изображеніемъ жизни, то и мысли, подобные мысли сумасшедшаго на 11-й верстѣ, должны встрѣчаться не чаще, чѣмъ они встрѣчаются въ природѣ. Уточать публику вѣчными ужасами, похоронами, убійствами, безумными, пьяными и развратными, значитъ безсовѣстно лгать, п. съ этой точки зрѣнія вся наша обличительная литература, все обличительное искусство 50-хъ и 60-хъ годовъ безсовѣстно лгало. Оттого оно и погубило, а оставшееся—погибаетъ.

Итакъ: П. Мейергеймъ заявляетъ себя бытовымъ живописцемъ, въ самомъ лучшемъ значеніи

этого слова. Мы весьма сожалѣемъ, что намъ не довелось видѣть какой-нибудь его вещи въ оригиналѣ и поэтому, относительно колорита и манеры рисованія мы должны говорить словами другихъ. Вотъ эти слова: «Спокойствіе общаго тона при силѣ и численности отдѣльныхъ красокъ; слегка затуманенный, повсюду разлитый дневной свѣтъ, и обусловливаемые имъ тѣни, выдаютъ рельефно все отдѣльные предметы, и работы Мейергейма, чуждыя расчета на эффектъ, достигаютъ полной правды самымъ вѣрнымъ способомъ». Если сказанное справедливо, то мы имѣемъ однимъ основаніемъ болѣе для ожиданія очень многого отъ человѣка, вызвавшего эти слова и имѣющаго только 27 лѣтъ отъ роду. Вѣроятно, будущія выставки принесутъ намъ дальнѣйшія свѣдѣнія и дадутъ право разсуждать съ болѣею увѣренностью, чѣмъ теперь.

Мы только что говорили о сюжетахъ для бытовыхъ живописцевъ, и не можемъ удержаться отъ того, чтобы не посѣтовать на нашихъ петербургскихъ художниковъ за то, что они утверждаютъ, будто въ Петербургѣ нѣтъ сюжетовъ. Смѣемъ увѣрить ихъ, что сѣтованіе ихъ совершенно несправедливо. Только что отошла, такъ называемая Радунца (вторникъ на Өминой), поминовеніе усопшихъ на кладбищахъ; намъ было-бы любопытно знать, ходилъ-ли хоть одинъ изъ нашихъ художниковъ посмортрѣть на это поминовеніе? думаемъ, что нѣтъ. Намъ случилось, напримѣръ, недавно, гуляя по Лѣтнему саду, наткнуться на удивительную бытовую сцену: одна изъ наиболѣе эротическихъ мраморныхъ группъ (сатиръ съ нимфой, копія съ оригинала, находящагося въ Museo Pio-Clementino, см. Висконти, томъ I, рисунокъ 49), стоящихъ подлѣ того мѣста, гдѣ главная алея суживается, была только что освобождена отъ деревяннаго чехла, покрывавшаго ея зимою. Какіе-то два бородача занимались обмываніемъ этой группы. Нѣсколько мужиковъ и бабъ любовались этой процедурой и кое что говорили. Смѣемъ увѣрить нашихъ художниковъ, что это былъ такой сюжетъ, которому позавидовалъ-бы любой изъ классическихъ жанристовъ. Мы не помнимъ также, чтобы кѣмъ-нибудь были воспроизведены живыя сцены, полныя самой разнообразной и выгодной обстановки, у прачешныхъ домовъ на фонтанкѣ, или вечерній отдыхъ мастеровыхъ подлѣ фабрикъ на Петербургской сторонѣ, или какіе-нибудь законченные, отдѣльные моменты народныхъ гуляній, сцены на извозничьихъ дворахъ и пр. и пр. Намъ кажется, что говорить о недостаткѣ сюжетовъ въ томъ или другомъ мѣстѣ, хоть въ какомъ-нибудь заштатномъ городишкѣ любого всемія забытаго уѣзда, значитъ не вѣрить въ силу того искусства, которому служимъ, а безъ этой силы, безъ этой вѣры, какое бы то ни было развитіе невозможно.

С.

Наши частные музеи и кабинеты *).

IV.

Блюда лиможской работы, Пьера Ремона.

(Собраніе князя Ө. П. Паскевича).

Въ XVI вѣкѣ, во Франціи, образовалась, такъ называемая, фонтенеблосская школа художниковъ. Францискъ I и Генрихъ II вызвали изъ Италіи цѣлую толпу живописцевъ съ ихъ учениками, изъ которыхъ главные: Росселли, Приматичіо, Николо дель Аббате и Бенвенуто Челлини. Главная цѣль ихъ призыва состояла въ необходимости декоративныхъ работъ замка Фонтенебло. Съ того времени, итальянское вліяніе утвердилось надолго во Франціи и изъ этой смѣси французскаго съ итальянскимъ вышли многіе замѣчательные дѣятели; стоитъ назвать: Жана Гужона, Жермена Пиллона, Бернарда Палисси и др., къ этому же времени относится сильное развитіе особаго рода техники, извѣстной подъ именемъ лиможскаго эмалированія. Мѣдную посуду разныхъ родовъ, особенно блюда и тарелки, покрывали цвѣтною эмалью, воспроизводя ею различные рисунки, особенно часто копіи съ извѣстныхъ картинъ и гравюръ. Эти работы, составляющія одно изъ любимѣйшихъ украшеній частныхъ собраний, извѣстны подъ именемъ *лиможскихъ*, потому что центромъ этого производства былъ Лиможъ. Нѣкотораго рода сходство съ ними имѣютъ ихъ однолѣтки итальянскіе *майолики*; *разница* техники состоитъ только въ томъ, что въ майоликахъ обливаютъ эмалью не

мѣдныя поверхности, а жженую глину и этимъ обусловливается, главнымъ образомъ, возможность отличить по первому взгляду лиможскую работу отъ майолики: послѣдняя не терпитъ той тонкости линий и тѣней, которыми, часто, отличаются первыя. Лиможскія работы дѣлятся, главнымъ образомъ, на два рода: на цвѣтныя и сѣрыя; послѣднія попадаются чаще; извѣстнѣйшими художниками были: Леонардъ Лимозенъ (L. Limosin), Жанъ Куртъ (J. Court) и Пьеръ Ремонъ (P. Remyon). Мы представляемъ читателю работу послѣдняго изъ нихъ, самаго плодотворнаго.

Блюдо, представленное нами, овально (просимъ читателя не обращать вниманія на подставку, она новая, и къ блюду не подходящая) съ изображеніемъ встрѣчи Мельхиседека съ Авраамомъ: сомнѣваться въ этомъ не должно, потому что подлѣ фигуры Мельхиседека читается надпись: «Genese. XIII». Изъ указаннаго мѣста книги бытія извѣстно, что Лотъ, племянникъ Авраама, былъ взятъ въ плѣнъ жителями Содомы. Авраамъ, узнавъ объ этомъ, пошелъ войною и освободилъ Лота. На возвратномъ пути Авраамъ встрѣтилъ Мельхиседека, царя Салемскаго, благословившаго его и подѣливавшаго съ нимъ добычей. На блюдѣ нашемъ представлена минута этого благословенія. Видѣющійся городъ—это знаменитый Содомъ, немѣющій, конечно, ни малѣйшаго сходства съ настоящимъ Содомомъ; стоитъ обратить вниманіе на присутствіе невозможныхъ въ тѣ дни арокъ. Слѣва, на первомъ планѣ, колѣнопреклоненный Авраамъ; онъ снялъ свой шлемъ (нѣчто въ высшей степени курьезное и неисторическое) и сложилъ руки на груди (тоже историческая ошибка,—складываніе рукъ крестомъ, какъ знакъ смиренія, возможно было только послѣ значенія, приобрѣтеннаго крестомъ на Голгофѣ). За нимъ его слуги и старшіе; далѣе плѣнные содомиты. Справа красуются ратники Мельхиседека, видимо разсуждающіе о побѣдѣ, одержанной Авраамомъ. Фигуры ихъ, равно какъ и самъ Мельхиседекъ, одѣты въ невозможные, забавные костюмы; правильности въ рисовкѣ нѣтъ никакой, стоитъ обратить вниманіе на размѣры: у Мельхиседека отъ правой тазовой кости до колѣна—длина уродливая. Во всехъ дѣйствующихъ лицахъ, въ ихъ поворотахъ, въ складкахъ одеждъ, есть что-то выходящее, дикообразное, неспокойное; историческая правда оемѣяна, а въ этомъ видны первыя проявленія начинавшагося барокко и рококо.

Блюдо, какъ видно изъ надписи, сдѣлано въ 1577 году. Оно писано сѣрою эмалью, съ розовыми, тѣлесными оттѣнками. Также точно держанъ и рисунокъ края блюда. На немъ изображены химерическія фигурки, зайцы, птицы, сатиры, дѣти. Достоинно вниманія особенное расположеніе этихъ рисунковъ края: внизу, на длинной сторонѣ, они довольно просты, развиваясь, вправо и влево, по узкимъ сторонамъ блюда, они усложняются, и полуфигуры преобразуются въ цѣлыя фигуры, на верхней длинной сторонѣ, подлѣ герба.

Общее впечатлѣніе блюда передать совершенно вѣрно характеръ лиможскихъ работъ. Замѣтимъ здѣсь, мимоходомъ, что въ послѣднее время, въ Италіи, появились произведенія, сходныя съ лиможскими работами и съ майоликами, только основаніемъ эмалированію служатъ не жженая глина и не мѣдный остоу, а лава, изобиліе которой въ окрестностяхъ Неаполя, твердость и дешевизна обусловили появленіе этого новаго рода техники.

С.

Международная выставка садоводства въ С.-Петербургѣ.

Международная выставка садоводства, съ нетерпѣніемъ ожидавшаяся не только любителями и знатоками, но и почти всею петербургскою публикою, вообще очень сочувственно относящеюся къ выставкамъ произведеній садоводства, была торжественно открыта въ понедѣльникъ, 6 мая, въ присутствіи Государя Императора, удостоившаго своимъ посѣщеніемъ вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, великими князьями Константиномъ Николаевичемъ и Алексѣемъ Александровичемъ, принцомъ Ольденбургскимъ и герцогомъ Мекленбургъ-Стрелицкимъ. Въ два часа пополудни выставка была уже открыта для публики.

Огромная зала Михайловскаго манежа, въ которой устроена выставка, преобразилась въ роскошный цвѣтущій садъ, наполненный множествомъ рѣдкихъ и дорогихъ растений, привезенныхъ изъ отдаленныхъ концовъ Европы. Уже имена нѣкото-

*) См. №№ 7, 11 и 13 «Всѣм. Илл.»

рых иностранных экспонентов, каковы: Фершаффельт, Линден, Вербен, Уарнер, Гукер и другие, давали право предполагать, что выставка украсится новыми и редкими растениями; но то, что представила выставка превзошло все ожидания.

Устройством выставки, несмотря на некоторые неудобства самого помещения, отличается большим вкусом в постановке выставленных растений и, хотя некоторые утверждают, будто зала слишком загромождена, что совершенно несправедливо; общий вид всей выставки не оставляет желать почти ничего больше. При самом входе устроено возвышение, по обеим сторонам которого построены веранды, увитые плющом и другими вьющимися растениями. Здесь выставлены, по правую сторону, плоды афинского национального питомника и произведения французского и германского плодородства, а по левую — огородные овощи петербургского экспонента Грачева и штутгартского центрального питомника сельского хозяйства. Тут же стоят прекрасные аквариумы и виварии, а также изящные вазы и статуэтки из гальванопластических наросшего серебра. Прямо перед верандой разбит просторный газон, на первом плане которого помещена группа пышных азалий, густая масса цветов которых яркостью разнообразных колеров совершенно покрывает густую крону листьев. По бокам этой группы азалий помещаются коллекции роз, культура которых, как известно, в последнее время, благодаря специалистам-садовникам, доведена до возможного совершенства. В середине, на значительном возвышении, окруженная прекрасными экземплярами пальм, помещается очень изящная беседка из виксантина, новой ткани, изобретение которой принадлежит русскому. Вдали видны гроты и каскады; по середине залы устроены два бассейна и два фонтана, а также два очень красивых мостика, перекинутых через ручей, соединяющий оба бассейна. Вправо и влево от веранды идут две аллеи вокруг всего манежа, к которому с правой стороны сделана пристройка, для различных предметов, употребляемых в садоводстве и самых редких и дорогих видов растений тропической флоры.

В боковой аллее, вправо от веранды, поставлены величественные экземпляры аралий с ланцевидными листьями, из которых *Aralia Sieboldii* обращает на себя особенное внимание большими ланцевидными листьями и огромным ростом. Другой вид *Aralia integrifolia maculata* замечательна темными, длинными, зубчатыми листьями, отличающимися своею формою от листьев других родов аралий. В густой тени, падающей от больших листьев этих растений, между мхом и бразильским плауном, насажены группы нарциссов, тюльпанов и гиацинтов. Точно такая же группа гиацинтов, но гораздо пышнее и роскошнее, разнообразных колеров, находится на другой стороне выставки, на более открытом месте. Представителей вересковых растений на выставке очень много, в особенности азалий, культура которых каждый почти день производит новые разновидности — особенно хороши на выставке две из них: одна белая с легким розовым рисунком: «*Etendard de Flandre*», и другая «*Directeur Regel*» с крупными цветами ярко-пурпурового цвета и замечательно правильной формы, привезенная из Бельгии знаменитым садовником Амбруазом Фершаффельтом. Об эти разновидности азалий не находится пока в продаже, а потому, мы особенно можем рекомендовать их любителям азалий, посещающим выставку; азалия эта находится в левой половине пристройки к манежу. Количество рододендров, главных представителей вересковых, не очень велико, но количество замечается качеством; экземпляры, красующиеся на выставке, отличаются величиною и множеством цветов. Из новейших разновидностей особенно красива разновидность *Rhododendron salmoneo-roseum* с желтовато-розовыми цветами, лепестки которых покрыты нежным лиловым рисунком. Это также новшество, не поступившее еще в продажу.

Количество и роскошь форм роз, составляющих одно из лучших украшений выставки, замечательно велики. Огромные, пышные, полные цветы выставлены величественной сплошной массой из густого мха, составляющего газон. Жаль только, что все эти разновидности, выгнанные в усиленный цвет, совершенно лишены зелени. Зато высокие штамбовые розы, выставленные оранжереею Громова, отличаются прекрасным ро-

стом и густою роскошною кроною листьев. Одна из них, *Capitaine Renard*, производит чрезвычайно приятное впечатление контрастом, совершенно белых, обильных, махровых цветов, умеренной величины с темною густою и глянцевитою зеленью. При этом цветы этой розы обладают очень нежным, приятным запахом.

Из числа декоративных, хотя и не новых, но красивых, пестролистных растений следует упомянуть о нескольких видах диоскорей, *Cissus Lonicera brachyrrhoa* и других. Все выставленные экземпляры отличаются силою роста и обилием листьев. Из летних цветов, составляющих кратковременное украшение садов, находятся прекрасные группы Ивань-да-Марий (*Viola tricolor maxima*), из которых особенно хороши высокорослые; высокий рост и густота зелени этих растений несколько не убавили ни величины, ни красоты и правильности цветов. Описывать различные разновидности гвоздик, цинерарий, геотропов, пионов и других подобных, по причине их многочисленности, почти невозможно. Как известно, число их увеличивается с каждым годом и, как кажется, увеличению его, благодаря искусству садоводов, никогда не суждено остановиться. Из числа лилейных растений, не говоря об очень сильных экземплярах крин, нельзя не упомянуть о довольно недавнем приобретении для садов, прелестной *Lilium auratum*, большие белые цветы которой, с золотистым отливом на внутренней части лепестков, привлекают изысканною простотою своих форм. Упомянув об этой лилии нельзя не сказать несколько слов о растении, вид которого в цветку удавалось не каждому; растение это: *Jussia gloriosa*, цветущий экземпляр которого находится на выставке; небольшой, толщиною в руку ствол юкки увенчан кроною длинных, ланцетовидных листьев, как бы покрытых какою-то голубоватою пылью; из центра этой кроны возвышается колоссальная, густая кисть белых, нежно-пахучих цветов, напоминающих формою цветы наших ландышей, но только в огромных размерах. Мы считаем выставленную цветущую юкку потому редкостью, что нам, при посещении здешних, как частных, так и казенных оранжерей, в продолжение девяти лет, удалось видеть цветы юкки только два раза.

Средняя же юкка с юккою драцены имбюты на выставке также достаточное число представителей; растения эти более или менее известны всякому и составляют одно из самых частых украшений оранжерей. Наиболее красивые из них, стоящие на выставке и принадлежащие к более редким: *Dracaena Draco*, *Dr. australis* и очень оригинальная, по красному цвету листьев, *Dr. terminalis*. Но самыми величественными представителями растительного царства на выставке, бесспорно являются пальмы, с их стройными, прямыми стволами и перистыми или веерообразными листьями.

(Продолжение в следующем номере).

Западная жизнь.

Родины испанской конституции. — Борьба временного правительства с фанатизмом. — Бисмарк и Мадзини. — Единство итальянского языка. — Кризис избирательной лихорадки в Париже. — Новые люди. — Г. Бансель, как трибун. — Темперамент г. Гамбетты. — Верморея об избрании Бодэна. — Претензии Жюль Фавера. — Поведение Сиэля в его избрании. — Кандидатура Рошфора. — Его хроника в новом журнале «*Le Rappel*». — Предполагаемая цель этого издания. — Нечто о Гюго-поклонстве. — Разоблачение «*Homme qui rit*». — Взгляд Ассолана. — Процесс Петто. — Супружеские безобразия и римское право. — Новорожденное чадо дивы Мари Роз и что оно может дать желающему? — Рынок подкупов. — Григорий Ганеско. — Обаяние велосипедов.

Испания представляет собою высоко-знаменательное зрелище, среди общей европейской шумихи международных и внутренних политических интересов.

Она вырабатывает свое государственное и социальное устройство с таким самообладанием, какого, право, трудно было ожидать от страны, измощенной недугами абсолютизма и поповщины! Градация, в которой народные представители занялись вопросами конституционного распорядка, показывает, что форма правления, сама по себе, не составляет для них альфы и омеги политических стремлений. Такое «постепенное» можно, конечно, объяснить незрелостью республиканских симпатий. Но если и справедлива фраза генерала Хуана Прима, что республики нельзя провозгласить в Испании, по отсутствию республиканцев, то и

для монархистов такой порядок дебатов составляет залог прочных государственных основ. Он дает полную возможность установить начала, которые гарантировали бы свободу, образование и материальный добрый быт народных масс при всякой форме исполнительной власти. Мы видим также, что агенты временного правительства не поблажают фанатиков, возбуждающих чернь к кровавым выходкам против либеральных митропрятий законодательного представительства. Проповедник, восклицавший с каеэдрой: «смерть протестантам!» предан суду. Нужна неунывающая бдительность, чтобы противодействовать пропаганде «черной братии» во всех доступных ей сферах, а ей, пока, ходъ всюду открыт, и долго будет еще открыт через женщин, в которых прогресс Испании нашол самых лютых врагов. В этом отношении Испания испивает горькую чашу возмездия. Невежество, лень и распущенность испанской женщины, разврат под покровом мужского селадонства и себялюбия, приносят теперь достойные плоды. Потому-то, быть может, королева Изабелла и питает, до сих пор, сладкую надежду вернуться в Мадрид и воссесть на престол предков. Она знает, что женский пол за нее, за ее попов, монахов, за ее келейный разврат, за ее изувекский обскурантизм. Мужьям и подносителям серенад надо держать ухо востро!...

По Италии продолжает бродить радикальный ветер. Про Мадзини говорят, ни больше, ни меньше, как про агента графа Бисмарка, кующего ковы против существующего порядка, за 1.000.000 серебряных талеров. В то же время толкуют про союз Пруссии с Италией, про подробный план нападения на Францию и Австрию и про награду, состоящую из всех славяно-итальянских земель дуалистической монархии. Вот и подите тут! Подземные ковы — дело темное, до поры до времени; но, повидимому, правительство Виктора-Эммануила не очень-то смущено ими. Оно занимается теперь вопросом объединения итальянского языка. В Италии диалекты играют еще большую роль, чем в Германии. Хорошим итальянским языком говорят только во Флоренции и в Риме. В школах, до сих пор, допускались диалекты, и правительство хочет положить предел такому язычному федерализму. Вопросом этим ученые и филологи занимаются с таким рвением, которое показывает, что без его скорого разрешения и дело политического объединения Италии пойдет ту же, чем желательно пьемонтскому централизму. Франция, богатая оттенками разговорного языка, давным-давно покончила с такими заботами, хотя в южных департаментах до сих пор живет дух оппозиции северному французскому языку, который гасконцы считают варварским наречием, помесью кельтского идиума с французскими грубыми звуками. То, что дблается в северной и южной Германии, а также и в Англии, уступает, по горячности, избирательной лихорадке, достигшей теперь критического момента, как в городе Париже, так и в департаментах.

Что бы не принесли с собою выборы, они характерны для Парижа. Правительственное обаяние не существует для центра французской империи даже по молчаливому сознанию органов официальной печати. Но бедность в «новых людях» утешает правительство. Оно видит, что талантов и крупных натур поразительно мало. Не сознает оно только того, что количество оппозиционных депутатов, само по себе, значит очень не много. Существующий порядок должен пасть не вследствие увеличения числа республиканцев на скамейках крайней левой, а вследствие того утомления, которое чувствуется во всем французском обществе, утомления, соединенного с презрительным равнодушием ко всему, что теперешняя власть силится возродить на пьедестале «наполеоновских идей».

До сих пор две новые личности вырисовались на парижских избирательных собраниях — Бансель и Гамбетта. Но Бансель — новый человек только в том смысле, что он с 1848 г. был отнесен от политической прессы. Он и остался демократом 1848 года, с теми же фразами, с теми же идеализмом, с теми же задором трибуна. Как трибун, он имеет большой успех, даже среди дам. Его порывистая и эффектная речь будет раздражать г. Руэра в палате; но он окажется безопаснее депутатов, подкапывающихся под действие власти в по-

дробностях, вмѣсто декламации на общія политическія и соціальныя темы.

Гамбетта — новый человекъ, въ болѣе прямомъ смыслѣ. Онъ не изъ бывшихъ изгнанниковъ. Онъ и по лѣтамъ принадлежитъ къ поколѣнію, начавшему сознательную дѣятельность въ самое бойкое время второй имперіи. Ему всего около 32 года. Я уже имѣлъ случай очерчивать портретъ этого адвоката, выдвинувшагося такъ быстро одной защитительной рѣчью, гдѣ онъ смѣло и ловко заклеилъ виновниковъ переворота 2-го декабря. Гамбетта — корсиканецъ, и въ его политическомъ характерѣ вѣроятно больше темперамента, чѣмъ интеллигентнаго содержанія. Всѣ южные люди отличаются необычайной легкостью напускнаго энтузіазма. Имъ ничего не стоитъ кипятился и выходить изъ себя, сохраняя свое «себѣ на умѣ».

Они — прирожденные актеры. Эта самовозгораемость помогаетъ имъ въ ихъ личной карьерѣ; но я не знаю, много ли она приноситъ настоящей пользы дѣлу политической свободы и соціального движенія? Во всякомъ случаѣ, Гамбетта — человекъ дѣльный, вышедшій изъ школы послѣдняго десятилѣтія, не вступавшій въ сдѣлки съ правительственными сферами, краснорѣчивый и работающій. Изъ всѣхъ кандидатовъ — онъ безусловный герой избирательной компаніи. Каждый день говоритъ онъ въ разныхъ собраніяхъ, и вездѣ его чуть не носятъ на рукахъ.

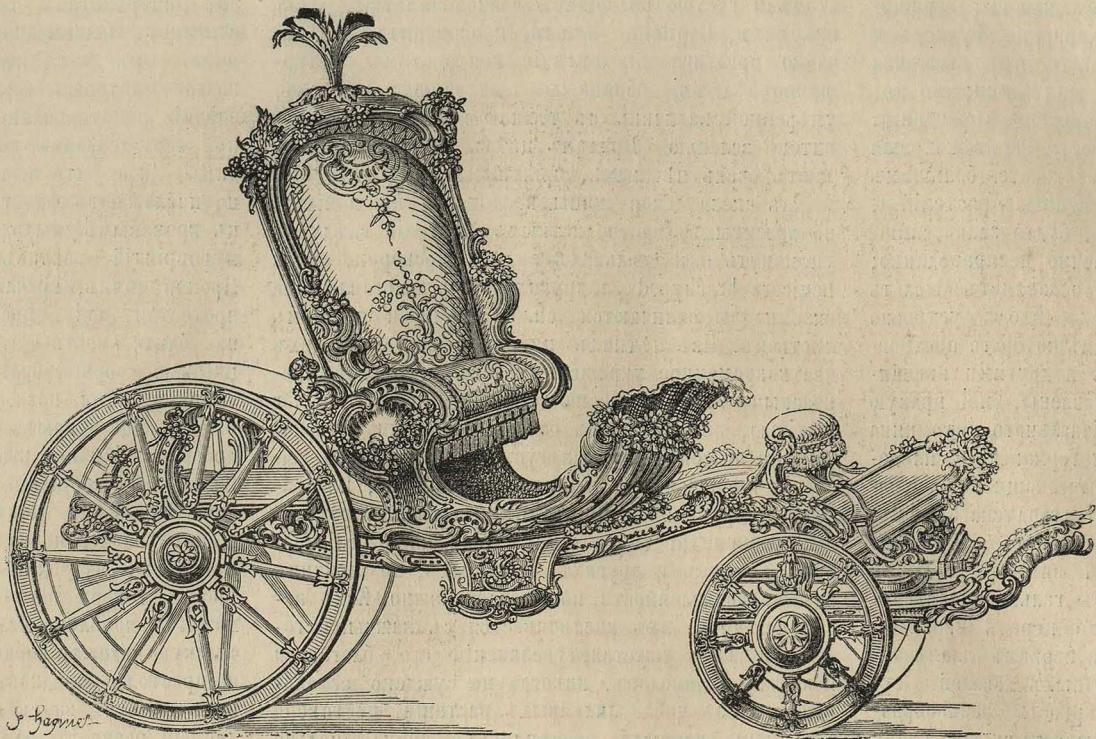
Изъ увіерскихъ кандидатовъ никто не выдержалъ до минуты серьезной постановки кандидатуръ. Рабочіе устранили своихъ представителей съ большимъ тактомъ. Удивительно, однако, что громадная масса рабочихъ, достигающая въ Парижѣ до цифры въ 700,000, не родила ни одного политическаго дѣятеля, вышедшаго изъ простыхъ ремесленниковъ. Французскіе увіеры отличаются своей развитостью, сравнительно съ англійскими

и нѣмецкими; но, видно, не одно и то же: говорить спичи на рабочихъ митингахъ и собираться на систематическую борьбу по цѣлому ряду разнообразнѣйшихъ вопросовъ. Зато требованія соціалистскаго характера дѣлаются все откровеннѣе, и всѣ избирательные округа видимо окрашиваются въ соціально-демократическій цвѣтъ, который исключаетъ представительство людей буржуазно-республиканскаго сорта. Изъ кандидатуръ, прикрытыхъ радикальнымъ ярлыкомъ, самая комическая — кандидатура *Бодена*, брата народнаго представителя, погибшаго на барикадѣ, въ декабрскіе дни. Этотъ Боденъ, самъ по себѣ, ничего не сдѣлалъ выдвигающаго его изъ массы людей республиканскихъ стремленій. Его выставляютъ, какъ рекламу, какъ вывѣски, какъ живыя поминки. Онъ долженъ вездѣ говорить, на вопросъ: «кто вы такой?» — «Я — братъ мой!»

Верморель, въ брошюрѣ своей «Вампиры», совершенно справедливо разсуждаетъ о нецѣлости вступленія въ законодательный корпусъ заклятыхъ

особѣ всѣ оттѣнки демократизма и предлагаетъ другимъ кандидатамъ посторониться и предоставить ему избирательные лавры. Газета «*Siècle*», съ обычнымъ своимъ двоедушіемъ, поддерживаетъ Фавра, несмотря на свой новоиспеченный радикализмъ. Но «въ мѣхи новые не вливаютъ вина стараго». Хорошо было бы замѣнить кѣмъ-нибудь и мрачнаго моралиста *Пельмана*, отъ котораго ничего новаго не услышишь, ни имперія, ни республика... Кандидатство *Рошфора* смотритъ до сихъ поръ болѣе шуткой, чѣмъ серьезной манифестаціей. Заочно нельзя играть въ избирательную игру. Рошфоръ, пока, выступилъ опять передъ парижской публикой хроникеромъ новой ежедневной газеты «*Le Rappel*», гдѣ дѣйствуетъ вся семья Гюго. Правительство тотчасъ же запретило продажу газеты на бульварахъ, и выказало этимъ всю безтактность своей неприязни къ имени автора «*Les Châtiments*». До сихъ поръ органъ жерсейскаго изгнанника вовсе не задоренъ, въ политическомъ смыслѣ. Онъ носитъ характеръ литературно-

враговъ имперіи. Г. Бодену (еслибъ онъ былъ выбранъ) пришлось бы давать присягу, т. е. вступать въ такой компромисъ, который тотчасъ же свелъ бы съ пьедестала мученичество его брата; а этого, конечно, не хочется, ни ему, ни друзьямъ его. Надобно, во всемъ, извѣстная послѣдовательность. Ея боятся только люди буржуазныхъ симпатій, желающіе играть роль въ политическомъ движеніи, въ родѣ Жюль Фавра. Эту «медоточивую струю» наконецъ-то раскусили парижскіе избиратели, и врядъ ли онъ будетъ выбранъ 7-мъ округомъ. Его недоброжелательная и старческая декламация, обращенная на самыя дорогія стремленія молодости, достаточно обрисовала его философскую и соціальную физиогномію. А между тѣмъ, Жюль Фавръ считаетъ себя человекомъ, способнымъ сочетать въ своей

Кресло на колесахъ, время Людовика XV.

Городъ Кашанъ, въ Персіи.

Насеръ-Эддинъ - Шахъ, нынѣшній владѣтель Персія, и его сынъ.

хроникёра листка, съ такими же рубриками, какъ «Figaro» и «Gaulois». Рошфоръ показанъ, съ первой своей хроники, безцвѣтнымъ. Мудреного нѣтъ! Онъ—истое дитя Парижа. Ему надобенъ, прежде всего, бульваръ и воздухъ толковъ, пересудъ и остротъ. Сидя въ Брюсселѣ, трудно сохранить «le haut du pavé» среди сотни вѣстовниковъ и остроумцевъ, черпающихъ живой ежедневный матеріалъ изъ первыхъ рукъ. Въ литературныхъ кружкахъ поговариваютъ даже, что *Rappel* основанъ съ специальною цѣлю: преслѣдовать всѣхъ рецензентовъ, незараженныхъ *мою-поклонствомъ*! Всѣ, такъ-называемые, «Вургравы» тутъ налицо, какъ-то: Поль Мѣрисъ, Вакри и т. д. Если цѣль дѣйствительно такова, то бойцамъ гюго-поклонства предстоитъ продолжительная расправа. То, что, при появленіи первыхъ двухъ частей «*Nomme qui rit*» позволяли себѣ только отдѣльные смѣльчаки, становится теперь, по появленіи четвертой, общимъ отзывомъ. Одинъ изъ бойкихъ сотрудниковъ «*Gaulois*» *Ассолья* (тоже кандидатъ въ депутаты) выразилъ надняхъ свой взглядъ безъ всякихъ оговорокъ. Онъ находитъ романъ нелѣпымъ, безжизненнымъ, лишоннымъ содержания. Характеры замѣнены, по его мнѣнію, маріонетками, служащими за тѣмъ только, чтобы нанизывать антитезы. Но великій «*maitre*» положилъ себѣ въ карманъ 200,000 франковъ и еще положить малую толику за перепечатку романа въ фельетонахъ «*Rappel*». У него столько восторженныхъ сендовъ, что врядъ-ли на него дѣйствуютъ отзывы независимыхъ критиковъ. Къ сожалѣнію, и въ семействѣ своемъ, Гюго окруженъ обожаніемъ, которое изъ кого угодно сдѣлаетъ жреца собственной особы. По поводу «*Nomme qui rit*» приводятъ весьма правдоподобный эпизодъ изъ интимной жизни Гюго. Онъ что-то разсказывалъ за обѣдомъ. Жена его обращается къ одному изъ сыновей и съ упрекомъ говоритъ ему:

— Какъ, Франсуа! Вамъ отецъ говоритъ, а вы не записываете.

Точно въ отвѣтъ на пьесы, «*Gymnase*» и «Французской комедіи», гдѣ разыгрывается безконечная драма супружеской невѣрности, парижскій уголовный судъ слушалъ дѣло, показывающее, какіе нравы и побужденія хоронитъ жизнь столичной буржуазіи и какъ глубоко въѣлся во французовъ духъ римскаго законодательства, дававшего мужу безусловное главенство въ супружескихъ дѣлахъ. Нѣкій г. *Пелло*, имѣющій небольшое промышленное заведеніе, женился, нѣсколько лѣтъ назадъ, обыкновеннымъ французскимъ порядкомъ, т. е. на приданомъ молодой дѣвушки, къ которой ничего задуманнаго не чувствовалъ. Онъ принадлежалъ къ одному масонскому обществу. Тамъ онъ сошелся съ довольно состоятельнымъ буржуа, по имени *Байё*. Жена его начала давать уроки музыки дочери этого Байё, и скорѣ сдѣлалась его любовницей. Г-жа Байё замѣтивъ это, отказала ей отъ дому. Но пріятельскія отношенія мужей продолжались. Пето имѣлъ виды на Байё, желая сдѣлать изъ него своего компаньона и началъ прибѣгать къ его кошельку, занимая у него порядочныя куши. Онъ видѣлъ также, что Байё дѣлаетъ его женѣ подарки; но не проявлялъ никакихъ признаковъ ревности. Отецъ г-жи Пето, узнавъ о ея связи съ Байё, началъ за ней слѣдить и убѣдился, что она ходитъ къ любовнику, въ особую квартиру, которую Байё нанялъ подъ чужимъ именемъ. Онъ сообщилъ объ этомъ мужу, и отправился съ нимъ на мѣсто свиданій, гдѣ они получили отъ привратника точныя примѣты мужчины и женщины, совершенно тождественныя съ наружностію Байё и г-жи Пето. Въ это время Пето добивался компаньонства Байё, но увидѣвъ, что пріятель не поддается на его зазывы. Онъ купилъ у оружейника револьверъ въ шесть выстрѣловъ, пошелъ въ кафѣ, гдѣ обыкновенно проводилъ онъ время съ Байё и не найдя его тамъ, послалъ за нимъ его сына, зашедшаго развѣять деньги. Байё явился. Пето началъ упрекать его за связь съ женой. Разговоръ разгорѣлся, и Пето, вынувъ пистолетъ, всадилъ три пули въ грудь пріятеля. Байё увели чутъ живаго домой, гдѣ онъ и умеръ на вторые сутки, а Пето хладнокровно отдалъ себя въ руки полиціи, имѣя видъ человѣка, сдѣлавшаго самое обыкновенное дѣло.

Вотъ—факты.

Въ такомъ краткомъ объективномъ видѣ процессъ этотъ не представляетъ еще ничего особенно характернаго, но показанія жены и нѣкоторыхъ другихъ свидѣтелей развертываютъ картину

чисто-парижской распушенности и животнаго себялюбія. Пето началъ дурно обращаться съ женой, потому что ея приданое оказалось менѣе его ожиданій. Онъ если и не прямо свелъ ее съ Байё, то во всякомъ случаѣ терпѣлъ эту связь и дѣйствовалъ на Байё чрезъ жену. Г-жа Пето дала весьма обстоятельное показаніе не только объ общицествѣ своего мужа въ ея любовной связи, но и о томъ, что родной ея отецъ преслѣдовалъ ее съ цѣлю сдѣлать изъ нея свою любовницу, добившись ея развода. Жертва супружескаго гнѣва—умершій Байё—оказался, по свидѣтельскимъ отзывамъ, олицетворенною распушенностію. При живой женѣ, онъ, кромѣ г-жи Пето, имѣлъ еще двухъ любовницъ, — двухъ родныхъ сестеръ, которыхъ онъ же самъ совратилъ. Трудно и сказать, на чьей сторонѣ больше грязи; но какъ бы ни были виноваты и жена, и ея любовникъ, чувство человѣчности не позволяетъ распоряжаться жизнью «оболѣстителя» по собственному произволу. Это—самая возмутительная черта французскаго супружескаго быта! Какой бы звѣрь не былъ мужъ, его всегда оправдаютъ въ случаѣ невѣрности жены. Ни въ какомъ обществѣ нѣтъ такихъ безобразныхъ порядковъ по части женитбы, какъ во французскомъ, и въ немъ-то какъ разъ торжествуетъ ложный *point d'honneur*, вызывающій поступки варварскаго самоуправства. На мужа смотрятъ, какъ на безусловнаго судью въ сложномъ вопросѣ супружеской невѣрности. Но если убійство любовника, котораго мужъ засталъ на мѣстѣ преступленія, смятается порывомъ бѣшеной ревности, или извѣстнымъ чувствомъ позора, то спокойное всаживаніе пуль въ грудь пріятеля, за которымъ посылаютъ его собственного сына, можетъ быть оправдываемо чѣмъ-нибудь угодно, кромѣ принципа неприкосновенности супружеской святости!

Пето присяжные совѣтъ почти оправдали. Онъ приговоренъ къ пятилѣтнему тюремному заключенію. Наказанія, конечно, не дѣйствуютъ на общественную нравственность; но ложный принципъ въ законодательствѣ даетъ возможность себялюбивымъ мужчинамъ драпироваться въ лживые абсолюты морали! Рядомъ же съ этой супружеской неурядицей, вытекающей изъ гражданскаго неравенства мужчинъ и женщинъ, блестящій полувѣтъ подкупаетъ ежедневно общественную совѣсть и безстыдно смѣется надъ основами буржуазной добродѣтели. Такъ напр. дѣвица *Мари Розъ*, звѣзда «Комической оперы» изволила недавно разрѣшиться отъ бремени. Покровитель ея пустилъ подъ руку извѣстіе о томъ, что онъ предлагаетъ 100,000 франковъ человѣку съ именемъ, желающему усыновить новорожденное чадо.

Пейзажикъ, какъ видите, веселенькій! и хроникеры, повторившіе эту вѣсть, и не думали возмущаться ею! Да и въ самомъ дѣлѣ: гораздо же благовиднѣе дать свое имя ребенку, ни въ чемъ неповинному и стяжать при этомъ «*ein mässiges Honorar*», чѣмъ продавать свою совѣсть въ званіи префектовъ, полиційскихъ агентовъ и преданныхъ публицистовъ. Знаючи парижской жизни изъ туземцевъ, завѣряли меня даже, что торговля душками становится все ту же и ту же. То, что лѣтъ 10 тому назадъ стоило 50,000, нынче не даетъ и десяти. Подкупъ дошелъ до предѣла, за которымъ должны начаться новые виды сдѣлокъ съ совѣстію. Только натурализованные инородцы, вродѣ молодца-валаха *Ганеско* продаютъ свои душки за чечевичную похлѣбку и дѣлаются «болѣе, чѣмъ официальными кандидатами». За то, они въ свою очередь, ублажаютъ избирателей, вплоть до поднесенія въ даръ цѣлымъ комономъ по нѣскольку дюжины ведосипедовъ. Говорятъ, что противъ этого вида задабриванія не устоитъ ни одинъ сельскій обыватель, тѣмъ болѣе, что онъ видитъ въ велосипедѣ вещь, одобренную правительствомъ, ибо начальство снабдило уже сельскихъ почтальоновъ этимъ новымъ орудіемъ культурнаго движенія.

Авеніръ Миролубовъ.

30 апрѣля
12 мая 1869.

Кресло на колесахъ, время Людовика XV.

Въ числѣ различныхъ парадныхъ экипажей, употреблявшихся въ царствованіе Людовика XV, кресло на четырехъ колесахъ, рисунокъ котораго мы прилагаемъ, представляетъ наиболѣе простоты по своему устройству и по легкости украшеній, которыми оно покрыто. Кресло это есть любимаго примѣръ смѣшаннаго стиля, заключающаго въ себѣ достоинства и

недостатки, которыми такъ отличались меблировка и всѣ предметы искусствъ, въ эпоху упадка вкуса, въ послѣдніе годы царствованія Людовика XV. Названіе «рококо» перешло къ послѣднимъ заблужденіямъ этого стиля. Оно въ особенности относится къ тяжелымъ подражаніямъ самымъ худшимъ образцамъ этого стиля, производившимся, въ огромномъ количествѣ, во всей Европѣ. Во Франціи, въ Парижѣ, въ Версали, лучшіе работники, даже и во время полнѣйшаго упадка вкуса, умѣли сохранить отличительныя особенности манеры и вкуса, которая является во всѣхъ ихъ произведеніяхъ и далеко держалась отъ употребленія тяжелыхъ формъ и ненужныхъ, неумѣстныхъ украшеній.

Кашанъ.

По свидѣтельству многихъ путешественниковъ, Кашанъ есть одинъ изъ самыхъ лучшихъ, большихъ и образованныхъ персидскихъ городовъ. Онъ лежитъ въ восточной части мидійской провинціи, въ Иракъ-Аджеми, гдѣ также находится и персидская столица Тегерана и лѣтняя резиденція шаха—Испаганъ. Населеніе города, состоящее изъ 40,000 человѣкъ, занимается разнаго рода промышленною дѣятельностію. По относительному количеству фабрикъ шолоковыхъ тканей, Кашанъ можетъ быть сравненъ съ Ліономъ; здѣсь выделяются прекрасныя, прочныя шолоковыя ткани. Кромѣ того, кашанскіе заводы мѣдной посуды славятся по всей Персіи; здѣсь выделяются вазы, блюда и другая утварь самыхъ изящныхъ формъ, отличающаяся красивыми украшеніями и оригинальною живописью самыхъ яркихъ цвѣтовъ. Главный сбытъ произведеній кашанскихъ фабрикъ находится на базарахъ самаго города, представляющихъ ряды крытыхъ галерей, наполненныхъ лавками съ самыми разнообразными товарами.

Впрочемъ, промышленность Кашана, по свидѣтельству Гобино, находится, въ настоящее время, въ упадкѣ, въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ она была полтора столѣтія назадъ, когда Кашанъ производилъ, кромѣ легкихъ шолоковыхъ тканей, парчу и даже бархатъ. Но все же за этимъ городомъ осталась репутація одного изъ лучшихъ мануфактурныхъ городовъ Персіи.

Кашанъ, трусливость жителей котораго вошла у персіянъ въ пословицу, въ замѣтъ недостатка въ храбрѣцахъ, далъ Персіи нѣсколькихъ замѣчательныхъ поэтовъ и ученыхъ, въ особенности богослововъ. Въ Кашанѣ имѣется литографія, и число людей, занимающихся различными науками, довольно велико. Гобино, долгое время жившій въ Персіи, говоритъ, что убѣжденіе въ неспособности кашанцевъ къ военной службѣ такъ укоренилось въ Персіи, что правительство никогда не рѣшится составить ни одного полка изъ кашанскихъ гражданъ.

Городъ полонъ великолѣпныхъ густыхъ, тѣнистыхъ садовъ, украшенныхъ эмальрованными бассейнами и красивыми фонтанами. Прекрасной, необыкновенно легкой постройки бесѣдки, построенныя въ садахъ, даютъ отрадное и прохладное убѣжище отъ невыносимыхъ, иногда, лѣтнихъ жаровъ. Кромѣ мечетей и частныхъ богатыхъ домовъ, стѣны которыхъ иногда покрыты разноцвѣтною эмалью съ надписями, въ городѣ помѣщается красивое зданіе высшей школы, съ обширнымъ садомъ. Архитектура зданія очень легка и красива; школа содержитъ прекрасно и профессора ея считаются замѣчательными учеными, что довольно вѣроятно, если принять во вниманіе учоную и литературную репутацію города, которою онъ пользуется съ давнихъ поръ.

Почти единственнымъ недостаткомъ и вмѣстѣ бѣдствіемъ города можетъ считаться необыкновенное количество распространенныхъ повсюду скорпіоновъ, обѣ породы которыхъ, черная и блѣлая, одинаково ядовиты, а также существованіе огромныхъ ядовитыхъ пауковъ, называемыхъ туземцами «ротайль», укушеніе которыхъ бываетъ нерѣдко смертельно. Особенно много скорпіоновъ встрѣчается въ развалинахъ какого-то древняго зданія, находящагося у воротъ города. Старинное персидское преданіе разсказываетъ, что одинъ изъ древнихъ арабскихъ царей—Шеадабъ, обладавшій громадными богатствами, человѣкъ необыкновенно тщеславный, вадумалъ устроить садъ, который по великолѣпію и роскоши, превзошелъ бы рай. Предпріятіе удалось исполнѣ. Тогда ему захотѣлось устроить также и адъ; всѣ ужасы и орудія пытки, для произведенія адскихъ мукъ, были собраны въ одно мѣсто. Вдругъ одинъ изъ подручныхъ царя замѣтилъ, что въ коллекціи не хватаетъ скорпіоновъ. Тѣчасъ-же былъ посланъ одинъ изъ чертей новаго ада за недостающими гадами; набравъ ихъ полный мѣшокъ, посланный отправился въ обратный путь, но на

дорогъ, во время отдыха около кашанскихъ воротъ. узналъ, что царь Шедадъ умеръ. Предполагая, что скорпионы, достаточно усѣвшіе ему надобѣть въ дорогъ, никому болѣе не нужны, онъ опорожнилъ мѣшокъ на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ и ушолъ. Съ тѣхъ поръ уже скорпионы не оставляли своего новаго мѣста жительства и, размножившись, расплодился по всему Кашану.

Насеръ-Эддинъ-Шахъ.

нынѣшній владѣтель Персіи.

Его величество Насеръ-Эддинъ-Шахъ родился въ 1829 году и царствуетъ съ 1848 года. Его сынъ и наследникъ персидскаго престола Мусаферъ-Эддинъ-Мирза родился въ годъ воцаренія своего отца.

Въ послѣдніе годы царствованія покойнаго Магомета-Шаха, бывшаго долгое время больнымъ, при безпутномъ управленіи великаго визиря Гаджи-Мирзы-Агаси, безпорядки въ странѣ дошли до крайнихъ размѣровъ и только благодаря своимъ блестящимъ способностямъ и храбрости, Насеръ-Эддинъ удалосъ удержать за собою престолъ отца и побѣдить своего соперника Солара. Съ воцареніемъ Насеръ-Эддинъ-Шаха, Персія снова пришла въ порядокъ и упрочила свое политическое положеніе.

Въ 1858 году шахъ уничтожилъ должность *содра-зай* (перваго министра) и съ тѣхъ поръ въ Персіи утвердилось полное самодержавіе и учрежденъ совѣтъ министровъ (*шура*). Съ тѣхъ поръ въ Персіи не принимается ничего безъ воли шаха, который рядомъ полезныхъ преобразованій привелъ Персію въ цвѣтущее состояніе въ сравненіи съ прежнимъ неустойчивымъ.

Въ числѣ нововведеній въ персидскомъ государственномъ строѣ слѣдуетъ упомянуть учрежденіе конной почты, устройство телеграфовъ, соединяющихъ Персію съ Индією, Турцією и Россією, постройку асфальтовыхъ дорогъ, учрежденіе коллегій для изученія иностранныхъ языковъ, правильныя посылки молодыхъ персіянъ въ Европу, для полученія современнаго европейскаго образованія въ лучшихъ школахъ; кромѣ того, приняты надлежащія мѣры, для усовершенствованія различныхъ отраслей промышленности. Такъ напримѣръ устроены бумагопрядильни, стеклянные заводы, бумажныя фабрики, сахарный заводъ, свѣчной заводъ и проч. Сверхъ всего, введено европейское устройство арміи и различныя усовершенствованія въ военныхъ снарядахъ и оружій.

Въ 1863 году, въ Персіи существовала только одна официальная газета (Русъ-намъ-Дулети); въ настоящее время тамъ уже, кромѣ официального органа, издаются еще двѣ независимыя газеты: національная газета (Русъ-намъ-Миллети) и учоная газета (Русъ-намъ-Эль-мехъ); обѣ онѣ печатаются на персидскомъ и французскомъ языкахъ.

Естественно-историческій отдѣлъ туркестанской выставки. *)

II.

ЦАРСТВО РАСТИТЕЛЬНОЕ. (Окончаніе).

Теперь нѣсколько словъ о растительности края. Выставлены были собственно только строительные матеріалы изъ Семирѣченской области.

Рожь встрѣчается даже въ *дикомъ* состояніи вблизи Катургана, но, по частнымъ сообщеніямъ, нигдѣ не разводится и ей не достанешь ни за какую цѣну. Ростъ ея превосходный, колосъ полновѣсный. Цвѣтетъ же въ началѣ мая и созрѣваетъ въ іюнѣ. *Пшеница* и *ячмень* растутъ даже на значительной высотѣ. Напримѣръ на высотѣ 500 ф. надъ поверхностью *горнаго* озера Иссынь-куля, а на Аку земля воздѣлывается на высотѣ 5.800 ф., хотя трудъ вознаграждается плохо. Необходимое условіе успѣшности земледѣлія въ Туркестанскомъ краѣ — орошеніе. Тамъ, гдѣ оно возможно, урожай съ избыткомъ вознаграждаетъ труды, напримѣръ, въ мѣстности между Арисомъ и Чирчиномъ, гдѣ лежитъ Чамкендъ. Это житница бывшаго Ташкентскаго ханства и хлѣбъ идетъ отсюда въ Аулие-ата, Туркестанъ и Ташкентъ. Но за то въ окрестностяхъ послѣдняго разводится рисъ. Въ обильно орошенной долинь Ариса отлично растетъ люцерна, пшеница, маисъ, и чрезвычайно важный для края злакъ — *джуара*. Растеніе это достигаетъ 10 ф. вышины, колосъ ея въ 2 пальца толщины и сидятъ чрезвычайно тѣсно. Листья и молодые колосы идутъ въ пищу скоту, зерна обрабатываются въ крупу. *Люцерна* снимается четыре раза и даже послѣ третьяго раза поднимается почти на аршинъ и, конечно, легла-бы, еслибъ не росла такъ часто.

*) См. № 19 и 20 «Вс. Илл.»

Картофель, по частнымъ сообщеніямъ, не разводится и его совсѣмъ нѣтъ въ краѣ. *Дыни* и *арбузы* растутъ на диво Тамъ-же, гдѣ растетъ дикая рожь, встрѣчается и дикая *виноградная лоза*. Ее, впрочемъ, разводятъ. Винодѣліе, кажется, могло бы процвѣтать, и вино, по отзыву людей, пившихъ его на мѣстѣ, превосходно. *Лису* собственно нѣтъ въ краѣ. Топливомъ служить кизякъ, каменный уголь и *саксакуль*. Это, вѣроятно, верескъ. Стволъ его самъ собою расщепляется отъ тяжести вѣтвей, но бываетъ толщиною въ обхватъ и порядочной высоты. Растетъ цѣлыми лѣсами. На горахъ лѣса однако встрѣчаются. Ихъ сѣверная граница, по крайней мѣрѣ, на Уртакъ-Тау 8.800 ф. Тутъ встрѣчаются: береза, можжевельникъ, рябина, черный барбарисъ, боярышникъ и слѣ. Даже выше верхней границы можжевельника есть отличные луга, которые служатъ для киргизовъ лѣтними пастбищами (11.000 ф.) Ползучій можжевельникъ и рододендры, которые на Альпахъ и на Кавказѣ растутъ выше верхней границы лѣса, а въ Сибири составляютъ часть горнаго полѣся между другими деревьями, на горахъ, по крайней мѣрѣ на Тянь-Шанѣ, не встрѣчаются и это придаетъ особый характеръ краю.

Важный продуктъ Туркестанскаго края *хлопчатая бумага*, хотя и уступаетъ по добротѣ бухарской, но за то можетъ разводиться почти по всему краю. Хлопчатобумажный кустарникъ растетъ, напр., у укрѣпленія Вѣрнаго и даже у города Гурьева при устьѣ Урала. Но такой хлопчокъ гораздо хуже ташкентскаго, гдѣ онъ лучше, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ. Созрѣваетъ онъ не одновременно. Такъ на одномъ и томъ же полѣ, въ октябрѣ г. Сѣверцовъ видѣлъ зрѣлые, незрѣлые плоды (коробочки) и даже цвѣты. Плоды снимаютъ, когда они высохнутъ, но когда они не треснули.

Изъ этого краткаго очерка читатель можетъ видѣть, какія громадныя богатства природа накопила въ туркестанскомъ краѣ, а мы, конечно, сказали не обо всемъ, и чуть не забыли высокихъ сортовъ табаку, которые разводятся въ казенномъ саду укрѣпленія Вѣрнаго, кристаллическихъ известняковъ на Уракъ-Тау, ни мало не уступающихъ карарскому мрамору. Но вопросъ въ томъ, не мертвый-ли это капиталъ? Есть ли достаточно рабочихъ рукъ? Напр., для успѣшности земледѣлія, въ краѣ необходимо орошеніе. Дѣло это для русскаго колониста пока новое. Мы, однако, не раздѣляемъ того мнѣнія, что оно никогда не пойдетъ въ рукахъ русскаго челоѣка, потому только, что онъ у себя дома не орошаетъ полей. Или эта киргизская культура превосходить духовныя силы русскаго челоѣка и по этой причинѣ онъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, арендуетъ поля у киргиза? Что колонизаторы мы, при извѣстныхъ условіяхъ, отличные, это доказалъ еще Великій Новгородъ. А задача была, пожалуй, еще потруднѣе!

Что до металлургіи, то ей придется бороться съ немалыми затрудненіями, если правда, что каменный уголь, добываемый въ краѣ, содержитъ большое количество сѣры и фосфору и потому его употребляютъ только на топливо.

Сдѣлаемъ въ заключеніе три поправки: а) Самаркандъ все-таки остался въ нашихъ рукахъ. Мы хотѣли уступить его бухарскому эмиру за извѣстную сумму (кажется за 1½ милліона), но онъ не могъ внести столько. б) Семирѣченская область не вся составляетъ наше новое приобрѣтеніе, а только ея южная часть. в) Движеніе наше направлялось одновременно и съ сѣверо-востока.

Кореспонденція.

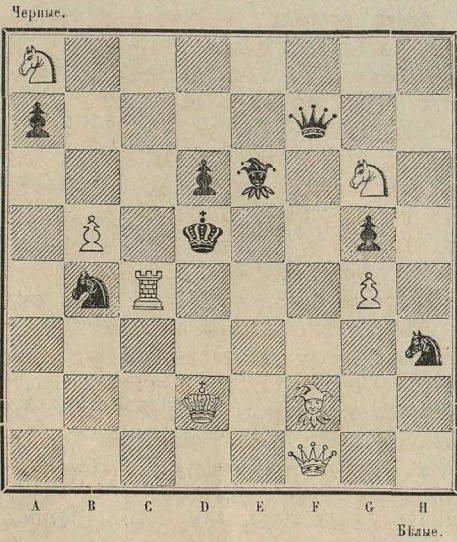
И. С. 22/4. Задачу Вашу мы не можемъ помѣстить, потому что она рѣшается уже въ три хода и весьма просто:

1. Ф. h1—g1. Кн. g7—h5 или f5.
2. Ф. g1—e3† Кн. h5 или f5—g3.
3. h2—e3† и матъ.

Рѣшенія задачъ, помѣщенныхъ въ шахматной повѣсти «Чортъ-сочинитель шахматныхъ задачъ» получены: всѣхъ трехъ отъ А. Н. Г., а также первой, въ 5 ходовъ, отъ М. Б. С.

ШАХМАТНАЯ ЗАДАЧА № 17.

Т. Браунъ

Бѣлые начинаютъ и дѣлаютъ матъ въ 3 хода.

Партія № 5.

Гамбитъ Эвансъ.

(Бѣлые даютъ впередъ коня b1)

Макъ-Доннель.

II.

Бѣлые.	Черные.
1. e2—e4	1. e7—e5
2. Кн. g1—f3	2. Кн. b8—c6
3. С. f1—c4	3. С. f8—c5
4. b2—b4	4. С. c5—b4:
5. c2—c3	5. С. b4—c5
6. 0—0	6. d7—d6
7. d2—d4	7. e5—d4:
8. c3—d4:	8. С. c5—b6
9. h2—h3	9. Кн. g8—f6
10. e4—e5	10. d6—e5:
11. С. c1—a3	11. Кн. f6—d5
12. Ф. d1—a4	12. Кн. d5—c3
13. Кн. f3—e5:	13. С. c8—e6
14. С. c4—e6:	14. f7—e6:
15. Ф. a4—c4	15. Кн. c6—d4:
16. Л. f1—e1	16. Кн. c3—b5
17. Кн. e5—g6	17. Кн. b5—a3:
18. Л. e1—e6:†	18. Кр. e8—f7

Бѣлые даютъ матъ въ 5 ходовъ.

РѢШЕНІЯ ЗАДАЧЪ № 8—10.

Рѣшеніе задачи № 8.

1.	2.	3.	4.
Л. d4—d7	Кн. e5—c6	Л. d7—f7:	Л. f7—a7† и матъ.
Л. a8—f8:	Л. f8—f7	∞ *)	
		Л. d7—a7† и матъ.	
	∞		
	Кн. e5—c6	Л. d7—a7† и матъ.	
Л. a8—f8	∞		
	Л. f8—f7	и матъ.	
∞			

Рѣшеніе задачи № 9.

1.	2.
Л. f3—f4	С. f7—f5:† и матъ.
Л. f6—f5	
	Кн. g2—f4:† и матъ.
Л. f6—f4:	
	f4—f5† и матъ.
Л. ∞	
	Ф. f8—e8† и матъ.
С. ∞	
	Ф. h8—f6:† и матъ.
g7 ∞	

Рѣшеніе шахматной задачи № 10, помѣщенной въ № 14 «Всѣмірной Иллюстраціи», получено нами пока только отъ одного лица Д. К. и состоитъ въ слѣдующемъ:

1.	2.	3.	4.
Кн. g3—h1. Ф. d3—f1:	Кн. h1—f2 Кн. e6—c5, f8 или f8—d8† и матъ.		
Л. a1—c3	Л. f7—f1:	∞	
		Ф. f1—c1, f7: и въ слѣдующемъ ходѣ матъ.	
	∞		
	Л. c6—c7†	Л. e7—h7	Л. e8—c6† и матъ.
Л. f7—f5	Кр. d7—d6:	∞	
	d6—e7:	d5—d6†	Ф. d3—c3† и матъ.
Ф. f4—e7	Кр. d7—e:	Кр. e7—f6	
		Л. c6—c7† и матъ.	
		Кр. e7—c7	

Кромѣ Д. К. еще нѣкоторые другіе лица пытались рѣшить эту задачу, но не имѣли успѣха: таковыя письма получены нами отъ господъ: Н. М.—П. А. П.—Н. Д. П.—И. С.—А. Ж.—А. А. Т.—П. В. въ Кронштадтѣ.—Н. И. Т. въ Борск. Ф. Б. въ Калитѣ.—С. Ч. въ Одессѣ.—Д. Я. К. въ Кам.—Подольскѣ.—И. К. въ Пулковѣ.—А. Н. Т.—въ Укр. Грозное.—и В. Л. Л., которые могутъ вытребовать ихъ обратно изъ редакціи; причѣмъ, если пожелаютъ, имъ показано будетъ письмо Д. К., заключающее въ себѣ вышепоказанное рѣшеніе.

*) Означаетъ любой ходъ.

Мумии индийского племени Аймара в Перу.

Вымершее уже индийское племя Аймара, вытесненное из Перу племенем инков, имело обыкновение, для погребения умерших, строить особые гробницы из камней, называемые *хульпами*; этим гробницам придавали иногда вид усеченных пирамид и достигали вышины до 30 футов. Иногда же хульпы имели форму обелисков. Внутри такой постройки, в помещении, в вид четырехугольной комнаты, освещенной одним небольшим окном, размещали вокруг до дюжины мертвых тел. Путешественники еще до сих пор встречают в различных местностях Перу эти любопытные постройки, но уже пустые. Хоронившиеся тела закрывались, исключая лица, в плотный мшук, сотканный из листьев торторы. Около мумий, в хульпах ставились деревянные чашки, ложки, горшки и колоса маиса. Около мужских трупов клали оружие, орудия охоты и рыболовные снаряды, а подл женских — корзинки, шерстяную пряжу и вязальные иглы. Мумии эти нередко встречаются в европейских музеях.

От редакции.

Статьи, поступающие в редакцию «Всемирной Иллюстрации», подлежат сокращениям и исправлениям. Пересылки и передачи статей и рисунков редакцию на себя не принимает. Ответы

Мумия индийского племени Аймара, в Перу.

редакции печатаются в «Почтовом ящике» журнала; от письменных ответов редакции отказывается. Стихи и ребусы, неудобные для печати, уничтожаются и авторам не возвращаются. Прозаические статьи и рисунки хранятся в конторке редакции два месяца со дня поступления в оную и затѣм уничтожаются. Все статьи, присылаемые в редакцию, должны быть подписаны и при них должны быть приложены адрес автора.

От редакции.

Многие из наших городских и иногородных подписчиков жалуются, что некоторые номера «Всемирной Иллюстрации» доставляются им без оберток, и испачканные, засаленные, разрезанные и даже разорванные и залитые чернилами. На таковыя жалобы редакция честь имеет объяснить, что все номера сдаются в газетную экспедицию в наглухо заклеенных конвертах, — и что доставка их в неисправном видѣ должна лечь на ответственность почты. Покорнейше просим гг. подписчиков извѣщать нас о таковых неисправностях; гг. городских подписчиков просим отмѣчать в почтовой разсылной книжкѣ: «получен без конверта», и извѣщать объ этом редакцию, которая, на основании такого заявленія, обратится съ жалобой, куда слѣдует.

АПТЕКАРСКІЕ И БЛАГОВОННО-КОСМЕТИЧЕСКІЕ ТОВАРЫ И. САБЛУКОВА.

Въ Гостиномъ Дворѣ, по Зеркальной линіи, № 39, въ С.-Петербургѣ.

Выборная парфюмери отъ фабрикъ и заводовъ:

Любенъ. Духи и помада.
Легранъ. Одезальн и кремы.
Пино. Духи Вилетъ де Пармъ.
Віоле. Мыло Тридасъ и проч. предметы.
Общества врач. Париж. Порошокъ зубной и прочіе предметы.
Гендри. Духи разные и мыло Вилд-зоръ.
Пелетъ. Элексиръ и оданжъ для зубовъ.
Велій. Эсъ буке.
Д-ра Эвенсъ. Порошокъ и элексиръ для зубовъ.

Д-ра Пьеръ. Вода зубная.
Ф. Маріа Фарина.
Ж. Ф. Фарина.
Е. М. Фарина.
Ж. М. Фарина № 4.
Ди комора. Краска для волосъ Меланожень.
Желе. Краска для волосъ Нигритинъ.
Товарищества заводовъ Царскаго мыла.
А. Ралле и Комп. (Коммисіонеръ).
С. Сіу и Комп. Шоколадъ и Драже (коммисіонеръ).

Подробные прейсъ-курранты по требованію посылаются немедленно чрезъ почту.

Нижеподписавшійся банкирскій домъ покупаетъ и продаетъ всякаго рода государственныя бумаги и акции желѣзныхъ дорогъ и т. п., въ особенности же русскія облигаціи и фонды, по курсу, какой стоитъ въ данный день на Берлинской биржѣ.

Торговля государственными бумагами, облигаціями, билетами лотерейныхъ займовъ и фондами, Макса Мейера.

Берлинъ, на Лейпцигской улицѣ, 94 (Leipzigerstrasse, 94).

Русскіе банковые билеты покупаются по курсу. Письма принимаются на нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ.

САМЫЙ ПОЛНЫЙ И ДЕШЕВЫЙ МОДНЫЙ ДАМСКИЙ ЖУРНАЛЪ

„МОДНЫЙ СВѢТЪ“

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДАМЪ.

Съ 1-го Декабря 1868 года, журналъ «МОДНЫЙ СВѢТЪ» началъ 2-й годъ своего существованія и, не измѣняя ни въ чемъ своей программы, издается съ прежнею со стороны издателя, заботливостію о наружныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ.

Журналъ «МОДНЫЙ СВѢТЪ» въ 1869 году выходитъ тоже

ВЪ ДВУХЪ ИЗДАНИЯХЪ,

въ количествѣ 48 номеровъ въ годъ, т. е. четыре номера въ мѣсяцъ (два модные и два литературные) и будетъ заключать въ себѣ втеченіе года: въ 24 модныхъ номерахъ до 1600 полигональных рисунковъ модъ и рукодѣлій въ текстѣ; 12 большихъ листовъ выкроекъ (въ каждомъ листѣ до 15 выкроекъ); 6 вырѣзанныхъ выкроекъ въ натуральную величину и 24 (или 12 для I изданія) модныхъ раскрашенныхъ парижскихъ картинъ, исполненныхъ лучшими художниками въ Парижѣ, а въ 24 литературныхъ номерахъ новѣйшія и лучшія новѣсти, романы, фелетонъ, стихотворенія, анекдоты, хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія статьи.

Цѣна I изданія съ 12 раскр. карт. безъ доставки 4 р., съ дост. 5 р., съ перес. 6 р.; — II изданія съ 24 раскр. карт. безъ доставки 5 р., съ дост. 6 р., съ перес. 7 р. с. — Главная Контора редакціи (Германа Гоппе) находится въ С.-Петербургѣ, на Бол. Садовой ул., д. Ильина № 16.

ПАНСІОНЪ ДЛЯ ДѢВУЩЪ, въ Лютри, близъ Лозанны, на берегу Женевского озера.

Преподаваніе на французскомъ и англійскомъ языкахъ; музыка и рисованіе. Цѣна за содержаніе и обученіе 900 франковъ въ годъ. За ближайшими свѣдѣніями обращаться къ директрисѣ г-жѣ Луизѣ Миллеръ; ручательство за достоинство пансіона принимаетъ на себя г. Гекордонъ, пасторъ въ Лютри.

ТАБЕЛЬ ДОМОВЪ ГОРОДА С.-ПЕТЕРБУРГА,

съ Васильевскимъ островомъ, Петербургскою и Выборгскою сторонами и Охтою,

составленная по направленію улицъ и указывающая, чей домъ въ какой части и въ которыхъ полицейскомъ и мировомъ участкахъ состоитъ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

ПЛАНА ГОРОДА С.-ПЕТЕРБУРГА.

Цѣна 75 коп., съ перес. 1 руб. сер.

ТАБЕЛЬ ДОМОВЪ ГОРОДА МОСКВЫ,

составленная по направленію улицъ и указывающая, чей домъ въ какой части и въ которомъ участкѣ состоитъ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Плана города Москвы.

12 листовъ печати. Цѣна 75 к.; съ перес. 1 р. с.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ЮЛІА ГЕРТИГА

въ Гамбургѣ.

Покупаетъ и продаетъ на тамошней биржѣ, на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, всякаго рода государственныя бумаги,

акціи, и т. п.; но въ особенности рекомендуетъ покупку бумагъ, собственно гамбургскихъ.

Банкиръ Юлій Гертигъ.

Русскіе государственные кредитные билеты выплачиваются по курсу.

Въ конторѣ книгопродавца-издателя ГЕРМАНА ГОППЕ, въ С.-Петербургѣ, на Большой Садовой ул., въ д. Ильина, № 16, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, продается:

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО РОССИИ.

GUIDE du VOYAGEUR en RUSSIE.

par J. BASTIN;

avec l'indication des lignes routières de l'empire russe, un plan de St. Pétersbourg, un plan de Moscou, une carte de la Russie, un catalogue des tableaux de l'Hermitage et un petit guide de conversation français-russe.

Цѣна 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 коп.

Жители всѣхъ городовъ Россіи, кромѣ С.-Петербурга, желающіе купить эту швейную машину, или же принять на себя агентуру оной въ большихъ городахъ, благоволятъ обращаться къ единственному по всей Россіи агенту компаніи Вилькокса и Гиббса, Ж. ВЛОКУ, въ Москву, на Кузнецкомъ мосту, въ домъ князя Голицына.

Тамъ же имѣется всѣмъ извѣстная швейная машина Гауэ младшаго и выборы матеріаловъ для швейныхъ машинъ.